

Скрытая жизнь вещи (предмета)

Конкурс КЛФ «Контакт»

Новокузнецк
2020

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Скрытая жизнь вещи (предмета)

Конкурс КЛФ «Контакт»

Новокузнецк
«Ник без Compaі»
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С45

С45 **Скрытая жизнь вещи (предмета)** : конкурс КЛФ «Контакт» /
Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк :
Ник без Comranі, 2020. – 60 с.
12+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Рассказы конкурса КЛФ «Контакт» 2019–2020 года «Скрытая жизнь вещи (предмета)». Первые три рассказа – победители конкурса по решению жюри и результатам читательского голосования. Ещё три рассказа – по выбору издателя.

Список авторов конкурса фантастического рассказа «Скрытая жизнь вещи (предмета)»

Рассказ № 1 «Счастливый айфон» – **Татьяна Попова**, г. Москва;

Рассказ № 2 «Нежный звон колокольчиков» – **Александр Рубис**, п.г.т. Погар Брянской области;

Рассказ № 3 «Гримуар Люцифера» – **Сергей Мартынюк**, г. Брест, Республика Беларусь;

Рассказ № 4 «Собачья старость» – **Елена Острых**, г. Новокузнецк;

Рассказ № 5 «Вербум» – **Александра Хохлова**, г. Рубежное, Украина;
Дмитрий Орлов, г. Пушкин, РФ;

Рассказ № 6 «Здравствуй, Страна» – **Светлана Кузьева**, пос. Тайжино, г. Осинники;

Рассказ № 7 «Ложный посыл» – **Владимир Хабаров**, с. Ошторма Юмья, Татарстан;

Рассказ № 8 «В НИИЧАВО едет комиссия» – **Павел Подзоров**, г. Бобруйск, Беларусь;

Рассказ № 9 «Следующая глава» – **Александр Славников**, г. Санкт-Петербург;

Рассказ № 10 «Стрекоза» – **Наталья Гимон**, г. Рязань;

Рассказ № 11 «Стеклозвон» – **Иван Мченский**, г. Новокузнецк;

Рассказ № 12 «Реликвия» – **Елена Корнеева**, г. Новолукомль, Беларусь;

Рассказ № 13 «Волшебный посох» – **Евгений Белянин**, г. Новокузнецк;

Рассказ № 14 «Ты только пиши мне, пиши...» – **Дмитрий Seemann**, г. Новокузнецк, при участии **Варвары Девятовой**, г. Омск;

Рассказ № 15 «Бутылка – это вещь!» – **Дмитрий Семёнов**, г. Новокузнецк.

Решение жюри

1 место	–	№ 14	–	5+0+4+4+3	16
2 место	–	№ 10	–	4+0+0+5+4	13
3 место	–	№ 15	–	3+1+5+0+0	9
4-5 место	–	№ 5	–	0+5+0+1+2	8
4-5 место	–	№ 4	–	0+0+0+3+5	8
6 место	–	№ 1	–	2+2+3+0+0	7
7 место	–	№ 9	–	0+4+0+0+0	4
8-9 место	–	№ 3	–	0+3+0+0+0	3
8-9 место	–	№ 7	–	1+0+0+2+0	3
10-11 место	–	№ 8	–	0+0+2+0+0	2
10-11 место	–	№ 6	–	0+0+1+0+1	2

Результаты голосования на приз читательских симпатий

1 место – № 10	17 баллов
2 место – № 14	16 баллов
3 место – № 15	15 баллов
4 место – № 8	9 баллов
5 место – № 9	5 баллов
6 место – № 3 и № 4	4 балла
7 место – №№ 1, 2, 11, 13	2 балла
8 место – №№ 5, 6	1 балл

Дмитрий Seemann
(Новокузнецк)
при участии **Варвары Девятовой**
(Омск)

«Ты только пиши мне, пиши...»

Константин был несчастным участником в нашей студенческой компании. Постарше большинства из нас на пару лет, он был почти выпускник. Нужно количество часов спецкурсов он уже набрал, и считалось, что теперь он пишет диплом. В институте Стэн, как он сам представлялся при знакомстве, появлялся редко и даже из города пропадал надолго. Возвращался всегда с новыми историями из поездок по Союзу, которые со вкусом пересказывал. Шёл 1988-ой год, страна менялась, но неравномерно, и его рассказы получались всегда разными и нескучными. На наших посиделках моя однокурсница Оля смотрела на него обожающими глазами. Уходили они обычно вместе. Наверное, ради неё он к нам и заглядывал. Его такие необременительные отношения устраивали. Надеялась ли на что-то серьёзное Ольга или нет, с нами она этим не делилась.

На этот раз, уходя с Ольгой, Стэн попрощался со мной отдельно:

– Юр, я к тебе завтра загляну часов в семь. Маленькое дело есть. Будешь дома?

Близкими друзьями мы не были, но ничего необычного в подобной просьбе тоже не было.

– Заходи. Родители как раз в гости собирались.

– Ну, бывай!

На следующий день Стэн пришел ко мне в десять минут восьмого, одетый в походную форму, с сумкой на плече.

– Я уеду опять на некоторое время. Мне одну вещь сохранить нужно, но в общежитии оставить не могу. Подержишь её для меня?

– Что за вещь?

Стэн отцепил от сумки тубус свинцового цвета и передал мне. Вещь оказалась неожиданно тяжёлой: похоже, цвет соответствовал материалу.

– Что там особенного внутри?

– Да ничего такого... Марки. Несколько неразрезанных листов. Все одинаковые. Юбилейные с твоим тёзкой, к двадцатипятилетию полёта.

Я посмотрел на него непонимающе.

– С Гознака, что ли, кто-то вынес? Даже несколько листов марок всё равно копейки стоят. Там тираж миллионный, наверное.

– Ну не скажи. Здесь Гагарин пятикопеечный. За него коллекционеры удавятся. Большим тиражом вышел пятнадцатикопеечный Гагарин и пятикопеечный Циолковский. Пятикопеечного Гагарина ты не найдёшь.

– Где взял?

– Есть одно место. Долгая история.

– Кто-то про них знает?

– Может быть. В общепитии не хочу хранить ни у себя в комнате, ни у кого-то ещё. Лучше в квартире. Да и у тебя искать не подумают. Отец твой известно кто.

Я слегка поморщился. Отец мой работал в местном управлении КГБ. Я об этом особенно не распространялся, но в общих чертах о месте службы моего отца некоторые мои друзья знали. Со Стэном я о своём отце не разговаривал; видимо, он узнал про это от кого-то ещё.

– Отец... У меня с ним натянутые отношения. Но комнату мою не обыскивает. Дождутся тебя твои марки, упрячу в дальний угол.

Стэн неожиданно внимательно посмотрел на меня:

– Кроме номинала ещё что-то такое есть в этих марках. Картинка там отличается. Гагарин по-другому смотрит, светится весь. Долго разглядывать не советую, – по его лицу пробежала какая-то тень, – но вот если важное для тебя письмо будешь отправлять, попробуй наклеить марку, разрешаю. Как раз номинал для обычного письма подходит. Из одного листа одну вертикальную ленту марок я сам использовал. Ответ получаешь такой, какой ты хочешь, даже если казалось, что шансов для этого ноль.

– Тренируешься цену маркам набивать? – улыбнулся я. – Но спасибо за разрешение.

Стэн засобирался уходить:

– Ну всё, брат, дела... Надо идти.

Я открыл ему входную дверь. Стэн направился к лифту, декламируя:

– Спасибо, Юра! Космос наш! В нас не остынет рокот Байконура...

Я только ещё раз улыбнулся.

Примерно за полгода до этого за семейным ужином – мама, отец и я – отец неожиданно заговорил о работе:

– Новый контролёр приехал из управления собственной безопасности. Вроде мужик понимающий, но, говорят, жёсткий. Постоянно по стране мотается. На одном месте год или два. По «Узбекскому делу» его фамилия постоянно в отчётах встречалась. После тура по Средней Азии к нам пожаловал.

– Тебе это чем-то грозит, папа?

– Не знаю, посмотрим. У меня к тебе просьба...

– Какая?

– Он с семьёй приехал. Жена и дочь примерно твоего возраста. Студентка. Переводом в наш медицинский перешла. Города не знает. Знакомых пока нет. Каникулы. Хочу предложить вас познакомить. Погуляй с ней в качестве

экскурсовода. В парк ходите, в кино. Расскажешь ей, куда можно ходить, куда лучше не стоит.

– Красивая хоть девушка?

– Не знаю. Сам не видел, – отец встал из-за стола. – Ну, я на тебя рассчитываю.

Днём встречи выбрали среду. День выдался жарким и солнечным. Я уже около получаса стоял у фонтана в центральном парке, где мы договорились встретиться с Лилей. Дело привычное – редкая девушка отличается пунктуальностью, – но долгое ожидание меня всё равно расстраивало. Людей в парке было на удивление немного, впрочем, до вечера было ещё далеко. Когда я наконец-то увидел девушку, вошедшую в парк в одиночестве и направившуюся прямо к фонтану к тому месту, где я стоял, то вздохнул с облегчением. По мере её приближения мне становилось всё очевиднее, насколько она красива. Это была очаровательная шатенка с довольно длинными распущенными волосами, в которой сразу привлекала внимание фигура типа «песочные часы» с ярко выраженной талией. Одета она была в милое белое платье с красным узором, которое едва доходило до колен, поэтому её длинные стройные ноги можно было рассмотреть безо всяких препятствий. На ногах у неё были чёрные открытые босоножки на высоком устойчивом каблуке. Когда девушка оказалась рядом со мной, я обратил внимание на её красивый загар, который явно говорил о том, что она много времени провела на солнце.

– Юра? Привет! – весело произнесла она, и её пухлые губы, покрашенные матовой розовой помадой, растянулись в непринужденной улыбке.

– Очень рад тебя видеть, – ответил я. – Сегодня в парке мало людей, так что мы сразу узнали друг друга. Честно говоря, я люблю гулять по безлюдному парку, а сегодня мне будет вдвойне приятно погулять с такой очаровательной девушкой.

– Спасибо за комплимент, – ответила Лилия и чуть опустила глаза, а я в этот момент обратил внимание на её невероятно длинные ресницы, покрашенные чёрной тушью.

В следующее мгновение мы уже неторопливо шли по солнечной аллее, с обеих сторон которой красовались крупные ярко-оранжевые цветы. Где-то вдалеке слышались крики и смех – в этом парке располагалось несколько аттракционов. Мне хотелось заинтересовать Лилию, поэтому говорил я довольно много, пытаясь припомнить интересные случаи из своей жизни, которыми можно было бы удивить девушку. Когда она сказала, что очень любит животных и хотела бы когда-нибудь поработать ветеринарным врачом, я решил рассказать ей невероятную кошачью историю.

– У нас раньше был кот, – начал я, – с которым связана история любви, какую нечасто можно встретить в животном мире. Это был настоящий чёрно-белый красавец, обладатель больших карих глаз и длинных усов, похожих на леску. Однажды, когда ему было года четыре, он познакомился

во дворе с молодой рыжей кошечкой, и с тех пор мы с родителями постоянно видели их вместе. А однажды я куда-то собирался и открыл дверь квартиры, и что же ты думаешь? Возле двери сидели две эти очаровательные мордашки, которые в тот же момент забежали в квартиру, я даже опомниться не успел. Это было настолько мило, что я не решился выставить их за дверь и стал свидетелем того, как мой Василий провёл свою кошечку по всем комнатам, как бы показывая ей своё жилище. Видно было, что ей очень интересно, поскольку она смотрела на всё широко раскрытыми глазами и обнюхивала стены, мебель, вещи. Я не знал, домашняя она или бездомная, но мне стало понятно, что она с удовольствием осталась бы в нашей квартире, потому что в какой-то момент она начала тереться мордочкой о мебель, а это означало, что она метит территорию. Ты, вероятно, знаешь, что у кошек на мордочке расположены железы, выделяющие специфический запах, с помощью которых они обозначают свои границы. К сожалению, отец выразил своё недовольство, и кошечку выпроводили за дверь. Но впоследствии мы не раз встречали её в подъезде возле нашей двери – она ждала Василия, а когда он выходил, то при встрече со своей возлюбленной всегда издавал ласковые звуки, похожие на мурчание, и они вместе отправлялись по своим делам. А недавно Василий умер, мы нашли его лежащим в подвале, а рядом с ним сидела его кошечка. Представляешь, какая любовь у них была, если они были вместе до самой смерти моего кота. Я никому не рассказывал эту историю, потому что никто бы не поверил, что возможна такая любовь между животными, ведь их считают примитивными. Оказывается, коты вполне способны устанавливать крепкие отношения на всю жизнь.

– Какая романтическая история, – отозвалась Лиля, дослушав мой монолог до конца. – Но ты её, наверное, всё-таки придумал для меня или раньше. Котам по природе не свойственны такие отношения. В чём-то они похожи на нас, в чём-то – нет. В этом – нет. Хотя даже люди порой неспособны на такие крепкие и долговременные чувства. А вот желудок и глазки у котов могут болеть почти так же, как у людей.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но это непридуманная история, – ответил я. – Ну а я всегда мечтал о том, что найду свою любовь, и мы будем вместе всю жизнь.

– Да ты романтик, – констатировала Лиля, и её лицо снова засияло очаровательной улыбкой. – А коты на самом деле удивительные создания. Природа многому их научила. Говорят, у котов девять жизней. Это, конечно, не так. Но свою единственную жизнь в критической ситуации при падении с большой высоты они могут спасти совершенно непостижимым для нас образом, благодаря инстинкту, за доли секунды в полёте переворачиваясь так, чтобы приземление давало им максимальные шансы на жизнь.

Мы вышли из парка и направились в сторону студенческого городка, центром которого был институт, в котором предстояло учиться Лиле. По

дороге в окне одного из общежитий мы заметили маленькую рекламную афишу видеосалона, который работал, несмотря на каникулы.

– Может, зайдём? – не сговариваясь, произнесли мы вместе.

– Сейчас будем показывать фильм «Назад в будущее», – сказал нам парень, сидевший на входе и собиравший деньги с тех, кто решил посмотреть кино.

– Отлично, – обратилась Лиля ко мне, – мне про этот фильм рассказывала подруга в Алма-Ате.

Я достал из кармана два рубля, отдал парню, и мы зашли внутрь довольно большого помещения в пристройке, где размещался видеосалон.

– Моя подруга почти все фильмы смотрела раньше меня, – продолжила разговор Лиля после того, как мы уселись на стулья на третьем ряду, – потом пересказывала те моменты, которые ей показались интересными, и советовала, смотреть мне или не тратить время. Совет обычно был хороший, а пересказ не раскрывал всю интригу раньше времени. Почему-то она часто обращала внимание на вещи, которые не были главными в сюжете. Когда она рассказывала про этот фильм, она стала говорить про своих родителей. Какие они замученные жизнью. И о том, как хорошо было бы ей оказаться в прошлом, посмотреть, как познакомились её родители, и подправить время, место и обстоятельства их знакомства. У героя фильма это получилось с его родителями. Потом, когда он вернулся в настоящее, мир почти совсем не изменился, но в его семье многое стало по-другому. Гораздо лучше.

– Это должно быть интересно, – сказал я, – а что бы ты сделала, если бы попала в прошлое?

– Не знаю, – пожала плечами Лиля, – мне и в настоящем хорошо, мне не хочется ни в прошлое, ни в будущее.

– А вот мне интересно было бы попасть в будущее, – ответил я. – Хотелось бы убедиться, что там всё отлично, а потом вернуться в настоящее и уверенно без сомнений делать то, что нужно, чтобы это будущее наступило.

– Нас ждёт светлое будущее, – сказала Лиля, – я в этом даже не сомневаюсь.

На экране телевизора, установленного на подвесной полке под потолком, появилась картинка с эмблемой кинокомпании, и мы замолчали, погрузившись в мир кино...

С Лилей мы этим летом встретились ещё не один раз. Я бывал у неё в гостях, познакомился с её отцом, Виленом Петровичем, человеком со стальным взглядом, и с её мамой, Марией Павловной, маленькой улыбчивой женщиной. Наши отношения с Лилей оставались чисто дружескими. Встречи стали реже, когда началась учеба. Программы её прежнего и нынешнего института отличались, так что Лиле приходилось заниматься больше других, догоняя однокурсников. К тому же, дорога от дома до института занимала

у Лили довольно много времени. Я был рад любой возможности встретиться с ней, но периодически сам был занят, а чаще была занята она.

Так прошёл год с момента нашего знакомства. Вилена Петровича опять переводили на новое место службы, на этот раз в Москву. Как обычно, с ним переезжала его семья. Лиля снова переводилась в другой институт, теперь столичный. Я приехал в аэропорт проводить её, и в тот момент, когда она, помахав мне на прощанье рукой, скрылась в зоне для пассажиров, вдруг очень остро понял, как мне будет её не хватать.

Через пару недель после расставания я получил открытку от Лили. Вид на Кремль на обороте, несколько строчек поместилось в поле для письма. Я смотрел на строки, написанные её рукой, и вспоминал её взгляд, её улыбку, её голос, её жесты. Я мысленно снова и снова говорил ей те слова, которые не сказал, когда она была рядом: «Я тебя люблю!»...

Я решил написать Лиле длинный ответ. Рассказать ей о своих чувствах, вспомнить оставшиеся навсегда в моей памяти детали наших встреч, показать ей, как она для меня дорога. Предложить ей общее будущее и ждать с замиранием сердца ответа: согласится она или нет?

Письмо получилось сумбурным. Я пытался прочитать его глазами Лили и представить её реакцию. У меня это выходило плохо, поэтому я медлил, никак не мог заклеить конверт и отправить письмо.

И тут я вспомнил про марки Стэна. Тяжёлый футляр уже больше, чем полгода, лежал в самом дальнем углу шкафа. Вполне вероятно было, что хозяин за ним уже не явится. В нашей общей компании Ольга как-то сказала с тоской, не обращая ни к кому конкретно: «Стэн взял академ по болезни. Я с ним разговаривала, он сказал, что, скорее всего, в город и институт уже не вернется». Её стали спрашивать, что с ним случилось, но добавить ей было нечего, или она не хотела об этом говорить.

Я достал тубус, открыл его, оторвал одну марку от листа. Приклеил её, запечатал конверт и пошёл к ближайшему почтовому ящику. Сработает ли твоё колдовство, Стэн?

Я начал считать дни, ожидая ответа. Каждый день по два раза проверял почтовый ящик. Ответ пришёл, но совсем не такой, который я ожидал.

Был выходной день. За обедом отец доел салат, потянулся за томатным соусом, чтобы добавить его в своё блюдо со спагетти и курицей. Посмотрел в мою сторону и сказал:

– Запрос приходил по нашим каналам проверить связи одного человека. Прописка у него наша. Была. Он был за рулём грузовика в Москве. Выехал на тротуар, сам погиб и двух человек с собой забрал. Один из них – дочка Вилена. Таким случаям особое внимание, конечно. Оперативно посмотрели, вроде всё чисто. Похоже, просто несчастный случай. Заснул за рулём или с сердцем плохо стало. Жаль девчонку.

Я медленно положил вилку на стол. В голове вдруг стало гулко и пусто.

– Когда это случилось?

– Что?

– Авария.

Отец на пару секунд задумался, то ли вспоминая текст запроса, то ли считая что-то в уме:

– Пятнадцатого. Пятнадцатого сентября.

Я механически доел то, что было у меня на тарелке. Выпил компот. Не замечая углов, пошёл в свою комнату. Закрыл дверь и упал на кровать лицом в подушку. «Жаль девчонку. Пятнадцатого сентября», – звучал у меня снова и снова в ушах голос отца. Я отправил своё письмо шестнадцатого.

Уже ничего не ожидая, я по привычке продолжал проверять газетный ящик. «Аргументы и факты», «Правда», «Новый мир». Письмо. Мне. От Лили. Свежие даты на почтовых штемпелях. Я прошёл к себе, открыл конверт. Внутри были листки, исписанные знакомым почерком. «Привет, Юра! Извини, что задержалась с ответом...»

Что было в этом письме? Проще и быстрее сказать, чего там точно не было: ни слова ни о какой аварии. Лили писала, что привыкает к Москве, новой студенческой группе, что учеба опять занимает почти всё её время. Что я ей небезразличен, и даже намного больше того, но к решительному шагу она пока не готова. «Давай продолжим наше общение в письмах, будем рассказывать новости, делиться радостями и огорчениями, обсуждать книги и фильмы. Может быть, за это время ты влюбишься в кого-то ещё? А если нет, если наши чувства останутся сильными, мы встретимся с тобой через год, в сентябре».

Я попытался собрать разбегающиеся мысли. Возможно, отец что-то перепутал? Память его на даты и имена всегда была цепкой, но вдруг именно сейчас случилось редчайшее исключение? Или карьера Вилен Петровича настолько круто и резко изменилась, что для него потребовалась новая «легенда», составной частью которой стала придуманная смерть Лили? Или моей любимой на самом деле нет в живых, а это ответное письмо – чей-то злой розыгрыш, мистификация, какую-то непонятную роль в которой сыграла марка?

На следующий день я спросил у отца:

– Папа, можешь узнать для меня телефон Вилен Петровича?

– Зачем тебе?

– Я же бывал у них. Марию Павловну хорошо помню, и она меня, наверное. Мне хочется как-то их поддержать, выразить свои соболезнования по поводу смерти Лили.

– Хорошо, я посмотрю.

Номер телефона отец мне передал через несколько дней. Я вертел в руках бумажку с номером, не представляя, каким может быть разговор.

Длинные гудки в трубке повторились несколько раз, потом трубку подняли.

– Здравствуйте, – сказал в трубку незнакомый мне женский голос.

– Здравствуйте! – ответил я. Потом, повинувшись безотчётному порыву, спросил. – Не могли бы вы позвать Лилию к телефону? – В трубке повисла тишина.

– Она умерла. Лиля погибла в автомобильной аварии. – Ещё одна длинная пауза.

– Мои соболезнования, – наконец сказал я. – Извините. До свидания.

– До свидания.

Я положил трубку.

Отец ничего не перепутал. Этот вариант отпадал. Из оставшихся мне хотелось верить в хороший. Я начал писать новое письмо Лиле. Наверное, оно получилось грустным и философским. Я писал ей о ценности жизни, о тонкой грани между жизнью и смертью, о том, как хорошо уметь ценить каждый миг и наслаждаться каждым мгновением, прожитым вместе, и как не всегда это получается. Я оторвал ещё одну юбилейную марку с Гагариным, наклеил на конверт и опустил его в почтовый ящик по дороге в институт.

Ответ от Лили пришёл через две с половиной недели.

Я вчитывался в каждую строчку, пытаюсь понять, кто её написал. Она или не она? Пока Лиля была рядом, мы не писали друг другу писем, лишь изредка обмениваясь короткими записочками, если не заставляли друг друга дома, так что мне не с чем было сравнить её московское письмо. Письменная речь практически у каждого человека отличается от его же разговорного языка, но я был почти уверен, что за синими строчками слышу её интонацию, изредка возникающие паузы между словами, когда она на секунду останавливается, подыскивая более подходящее слово, находит его и продолжает рассказ с прерванного места. А в отдельных предложениях я видел понятный только нам двоим скрытый смысл, который невозможно было заметить, если не помнить наших разговоров, шуток, мелких смешных и глупых ситуаций, которые мы пережили вместе.

Я решил принять правила игры, которые были мне предложены. Год – вполне посильный срок для моей любви, тем более, если она будет подпитываться приходящими раз или два в месяц письмами. Я решил, что не буду больше ничего пытаться выяснить. Время лечит, так что переписка, чем бы она ни закончилась, поможет мне пережить боль утраты.

За этот год у меня стало ритуалом первым проверять содержимое почтового ящика, просматривать газеты и журналы, которых мы выписывали много, и ждать нового письма. Лилины письма я зачитывал до дыр, иногда подолгу раздумывал над ответом, иногда отвечал быстро. Также ритуалом для меня стало извлечение из недр шкафа тубуса Стэна, отрывание очередной марки, приклеивание её на конверт.

Год прошёл быстро. Во втором августовском письме Лиля написала мне, что очень хочет меня увидеть, и предложила мне приехать к ней в гости 15-ого сентября. Дата совпадала с датой её смерти в прошлом году. Было ли это чьей-то злой иронией, увижусь ли я с Лилей в этот день, я не

знал. Но я не сомневался, что мне надо ехать. Билет на самолёт был куплен, последнюю ночь перед полётом я провёл почти без сна.

Московский адрес за этот год я выучил наизусть. До новой станции метро «Савёловская» я добрался из аэропорта достаточно быстро. Дом был в пяти минутах ходьбы от метро. Сердце моё колотилось как бешеное, я пытался его успокоить и шёл очень медленно, проделав пятиминутный путь минут за пятнадцать.

Дверь мне открыл Вилен Петрович. Он заметно постарел, под глазами были тёмные круги, но его острый взгляд не изменился. Он узнал меня сразу.

– Проходи, Юра. Мария немного на стол собрала. Посидим полчаса, потом поедем на кладбище. По пути цветов купим.

На столе стояли приготовленные закуски и чайник с чашками, фото Лилии в рамке. Спиртного не было.

– Я за рулём. Поедем на моей «Волге», – сказал Вилен Петрович.

Застолье прошло в молчании.

В первом из цветочных магазинов Вилену Петровичу ничего не понравилось.

– Заедем ещё в один, – сказал он, окинув взглядом выставленные цветы, и вышел из помещения.

Во втором магазине выбор был больше. Вилен Петрович взял очень большой букет белых лилий. Я купил букет гербер. Лилия любила герберы.

На кладбище я долго стоял перед гранитным памятником, смотрел на фото Лили, пытаясь в её глазах найти силы жить дальше. Ответ на главный вопрос, с которым я ехал в Москву, я получил. Ответ, от которого душу мою всё больше заполняла пустота. Кому задать второй вопрос, я не знал.

О письмах Марии Павловне и Вилену Петровичу я ничего не сказал. Мы вместе вернулись обратно, я поднялся ещё раз в их квартиру, но пробыл у них недолго. На выходе из подъезда я столкнулся с почтальоном. Это была грузная женщина лет пятидесяти. Я остановился и поздоровался, потом спросил:

– Скажите, вы только вечернюю почту разносите?

– Почему только вечернюю? И утром работаю, и вечером. Обед с часу до двух.

– Давно вы работаете на этом участке?

– Да уж лет пять, наверное.

– Вы помните, кому что приносите?

– На память не жалуясь. Помню, как же без этого. Если кому журнал какой приходиться перестает, уточнить могу, то ли подписка кончилась, то ли напутали чего и надо исправить.

– А письма по виду запоминаете? Я в 33-ю квартиру письма пишу. На конверт всегда одинаковую юбилейную марку наклеиваю, с Гагариным. Не вспомните?

– Нет, не помню. Часто пишешь?

– Два письма в месяц, редко когда одно.

– Странно. И что, отвечают тебе?

Я немного замаялся:

– ...Нет.

– Не отвечают, а ты всё пишешь?

– Получается, так.

– Нет, не помню таких писем. Может, адрес неправильно указываешь на конверте? Ты в следующий раз заказное отправь. С уведомлением.

– Хорошо, попробую. Спасибо. До свидания. – Я направился в сторону станции метро.

Год назад, когда начиналась наша переписка, я решил, что письма, что я пишу девушке, которую люблю и которой уже, возможно, нет с нами, помогут мне пережить боль утраты. Сейчас я понял, как я ошибался. После возвращения из Москвы я словно впал в ступор. Я почти всё время проводил в своей комнате. В институт выходил только на те занятия, которые совсем уж не стоило пропускать. Я доставал листы марок, раскладывал их на столе и смотрел на них. Юра, ты не помог мне. Ты не смог ничего сделать для меня, как не смог спасти сам себя во время того злосчастливого полета на МиГ-15. Ты ушёл молодым. Ты ещё многое мог успеть, многое пережить. Как и Лиля.

Я почти не ел несколько дней. У меня кружилась голова, меня мутило. Мне казалось, что стены вот-вот упадут на меня. Я сидел за столом, передо мной на столе были разложены марки. Я вышел из комнаты, прошел в гостиную. Нашёл зажигалку, взял пепельницу, вернулся в свою комнату. Я стал жечь марки, одну за другой. Я смотрел, как они горят, растирал пальцами пепел и снова смотрел на огонь. Я сжёг их все до единой. Я ссыпал весь пепел в тубус, пошел в ванную и несколько раз тщательно вымыл руки. Оделся, взял тубус и вышел из квартиры.

Я стоял на мосту и смотрел вниз в тёмную воду. Мне казалось, что вода уносит мою печаль, но вместе с нею забирает мои желания. Я чувствовал себя опустошённым. Я бросил тубус в воду и медленно пошёл по мосту. Около моста меня стошнило.

Я плохо помню, как я добрался домой. Смутно помню, как зашёл в квартиру, прислонился к стене в прихожей и сполз по стене вниз. Смутно помню, как отец вызывал скорую. Я плохо помню первые дни в больнице. Суету врачей, появления родителей. Из фраз в голове остались лишь обрывки:

– Результаты анализов смешанные... Сильная аллергическая реакция...

– Юра, Юра! Слышишь меня? Это я, твой отец...

– Быстроразвивающаяся лучевая болезнь... Симптомы как у «ликвидаторов» первой волны...

– Юра! Скажи мне, ты что-то необычное приносил в квартиру?...

– Состояние тяжелое, но организм борется...

– Что это было? Где этот предмет сейчас?

Я спал и видел один и тот же повторяющийся сон, в котором я иду по бесконечному белому коридору. Ярко горят лампы под потолком, они спят меня. В коридоре по обе стороны одинаковые белые двери. Я открываю их одну за другой, заглядываю внутрь, не вижу того, что ищу, и иду дальше. Дверь за дверью, шаг за шагом. Из сна в сон. Шаг за шагом, дверь за дверью. Не то, опять не то. Я почти готов сдать, но любовь, которую я ощущаю, поддерживает меня. Ещё один шаг, ещё одна дверь. Ещё один шаг, ещё одна дверь. Я нашёл! Это здесь.

Я проснулся и лежал с закрытыми глазами. В голове было ясно, ничего не болело, немного хотелось пить. Кроме шума медицинского прибора, других звуков я не слышал. Я открыл глаза.

Около кровати сидела девушка в халате посетителя. Лицо её было таким родным для меня. Я чуть-чуть пошевелился. Она увидела, что я не сплю, и на её лице отразилась радость.

– Юра, любимый мой! Ты проснулся. Я здесь. Я так за тебя беспокоилась. Ты не приехал ко мне и не ответил на моё последнее письмо. Я решила, что что-то случилось, и прилетела сама. Твои родители сказали мне, что ты в больнице в критическом состоянии. Врачи дали им неутешительный прогноз. Я места себе не находила. Но ты как будто почувствовал меня рядом. Кризис прошёл, тебе становилось лучше с каждым часом. Твой лечащий врач изменил диагноз на лёгкий и разрешил посещения. И вот я с тобой, милый. Теперь всё у нас будет хорошо! Даже не сомневайся!

В подмосковном автоматизированном почтовом сортировочном центре, одном из крупнейших в Европе по состоянию на середину 80-ых годов, восточногерманскими специалистами после чернобыльской аварии была смонтирована система радиационного контроля, впоследствии тиражированная и в доработанном виде получившая название «Янтарь». «Фонящие» письма и посылки с помощью этой системы определялись и исключались из дальнейшей пересылки. С посылками, ценными и заказными письмами далее разбирались, искали отправителей либо получателей. Простые письма не подлежали разбору и шли напрямую на уничтожение. Они складировались в свинцовых контейнерах до их заполнения, затем контейнеры вывозились для последующего захоронения. Система проработала до начала 90-х годов. В 90-е годы по техническим и организационным причинам автоматическая сортировка почтовых отправлений была прекращена, часть оборудования демонтирована. Полноценное возобновление работы крупных автоматизированных почтовых сервисных центров в России произошло только в начале двухтысячных годов.

Стрекоза

(сказка)

Тёплый ласковый вечер поздней весны склонил над городом улыбающееся лицо. Заходящее солнце заставляло жмуриться спешащих по улицам людей и дарило им улыбки. Его золотые лучи не были жаркими. Они игриво заглядывали в глаза прохожим, в окна домов, щекотали тёмные носы греющимся на солнышке дворовым собакам, заставляли лениво потягиваться важно шествующих по улицам кошек. Вечер плыл, таял, растекался по улицам приятной негой, даря окружающим неповторимое весеннее настроение. Приятный ветерок расчёсывал яркую молодую листву на деревьях и поправлял причёски прохожим на свой легкомысленный вкус. Вот его лёгкие пальцы смахнули яркую огненную прядку на глаза неторопливо идущей девушки, и, довольный своей шалостью, незримый озорник радостно закружился вокруг неё.

Аня устало заправила волосы за ухо и в который раз за последние несколько дней, не наткнувшись рукой на привычно неровную спинку стрекозы, раздраженно подумала: «Ну, куда я могла её положить?..» Ей так не хватало этого маленького крылатого насекомого, невесть когда изготовленного искусной рукой из жёлтого металла. Это был подарок, память об очень родном человеке, который уже много лет как ушёл из этого мира. И оттого потеря стрекозки становилась во стократ горше.

Аня на мгновение остановилась перед дверью подъезда, стараясь хоть немного успокоить пульсирующую боль в висках, и, собравшись с силами, вошла в его темноту. Голова болела нещадно. Очень хотелось лечь и вытянуться в струну, но оставалось потерпеть совсем немного. Войдя в квартиру, девушка скинула туфли, не глядя положила пиджак на тумбочку и, тихо постанывая от боли, направилась на кухню. Она нашла на полке обезболивающее и дрожащими пальцами вскрыла блистер. Таблетка выпала из рук и, издевательски виляя белым боком, покатилась под холодильник. Девушка чертыхнулась, подумав, что за ней не полезет даже под дулом пистолета. Медленно выдохнув, она извлекла из упаковки ещё одну пилюлю и, проглотив её, практически на ощупь направилась в комнату. Последнее, что помнила, как упала на подушку, обхватила голову руками и отключилась.

Головная боль даже во сне была мучительной. Из-за неё сны походили на тяжёлый бред, наполненный яркими почти явственными ощущениями и неестественно усиленными эмоциями. Но потом вдруг возникло ощущение, будто кто-то гладит Аню по голове, ласково, успокаивающе. И боль начала отступать. Девушка почти расслабилась и поплыла по реке снов, когда её неожиданно кольнуло чувство, что в комнате она не одна. Тихо шептались двое, но Аня не могла понять ни слова. Внезапно едва уловимый стук

окончательно разбил и без того пока некрепкий сон. Она открыла глаза и подняла голову.

В комнате было темно. За окном вечер сгустил краски, натягивая на землю тёмное, сверкающее звёздами ночное одеяло. Окно было чуть приоткрыто, и тюлевые занавески едва колыхались от слабого дыхания прохладного ветерка. На столе у окна замер серебристый квадрат лунного света, и в его сиянии, выглядывая из под края книги, едва светилось маленькое словно слюдяное крылышко.

– Да, ладно!

Аня встала, пошла к столу и включила настольную лампу. Не веря сама себе, она взяла заколку и задумчиво покрутила её перед глазами.

Это была, казалось бы, самая обычная заколка для волос, маленький широкий зажим-невидимка, но с очень красивым и изящным украшением в виде стрекозы. Неизвестно, кто сделал эту редкую вещицу, но была она очень необычной. Почти волшебной. Блестящее напыление, украшавшее крылышки по ободку и рисовавшее единственный замысловатый вензель на их поверхности, не стиралось и не осыпалось уже много лет. Но что самое странное, заколка с завидным постоянством терялась примерно раз в полгода и каждый раз через несколько дней находилась в самый неожиданный момент и там, где девушка её точно уже искала. Вот как теперь. Аня точно помнила, что перерыла все полки, сумки, на всякий случай перетряхнула постель и частым гребнем прошлась по столу. И вот – на тебе! Минуту назад пропажа лежала как ни в чём не бывало на этом самом столе, невинно выглядывая из-под книжного края. Хотя... Девушка вздохнула и пожалала плечами. По какой-то необъяснимой причине украшения не желали лежать спокойно в стенах этой квартиры, иногда пропадая чуть ли не прямо из шкатулки.

Аня привычным жестом заколола стрекозой непослушную прядь волос и направилась на кухню.

Мешая ложечкой сахар в бокале с чаем, она вспоминала прошедший день. Вроде бы и начался он хорошо, и на работе всё успевалось. Но потом вдруг словно что-то сломалось во вселенной, и всё полетело в тартарары, всё начало валиться из рук. А в довершение всех бед концу дня девушку атаковала дикая мигрень.

Теперь от боли осталось только гулкое неприятное воспоминание, но настроение все равно было преотвратительным. Очень хотелось небольшой встряски и положительных эмоций...

В дверь неожиданно позвонили – встряска не заставила себя ждать.

– Привет, подруга! Что делаешь? – Элька яркой и шумной птицей влетела в квартиру. – А ты чего такая сонная?

– Ничего, – буркнула Аня.

– Что случилось? – Элька замерла и внимательно посмотрела в лицо подруги.

– Голова болела, – ответила Аня и вернулась в кухню к своему чаю.

– О как! Устала, что ль, или не выспалась? – Элька прошла следом за хозяйкой, залезла в буфет, налила себе чаю и плюхнулась рядом на стул.

– Да нет, – Аня потёрла ладонями немного натянутые виски. – С утра всё было отлично... Пока одна добрая женщина за меня не порадовалась, что все у меня в руках горит и всё я успеваю.

– Опять, что ль, на ведьму какую нарвалась? – подруга усмехнулась, прищулив яркие зелёные глаза. Аня пожалала плечами, и Элька, вздохнув, покивала сама себе: – Ну, да. И тебя как обычно опять сожрали.

– Ага, пожевали-пожевали да и выплюнули, – согласилась Аня.

Элька вдруг вскинула голову:

– Так, а стрекоза твоя где? Опять потеряла?

В ответ Аня молча повернула голову, демонстрируя подруге блеснувшее в волосах украшение.

– Как раз наоборот. Вот, буквально только что нашла.

Элька улыбнулась, глядя на заколку, и задумчиво сказала:

– Забрать у тебя её, что ли?..

– Э! Не вздумай! Не отдам! – отшатнулась от неё Аня. – И потом, это не я её всё время теряю. Она сама... ну, того... улетает, по-моему.

Услышав такое предположение, Элька не выдержала и рассмеялась. Смех у неё был звонкий, переливчатый, словно родничок по камням скачет. В сочетании с русыми волосами, вечно заплетёнными в толстенную косу, и травянисто-зелёными глазами этот заразительный смех делал её предметом обожания всех знакомых. Да, чего греха таить, при первой встрече Аня тоже подумала, что её новая знакомая прямо-таки нечеловечески хороша. Хотя завидовать не стала, потому что собственно рыжая копна и ясные серые глаза, пусть и в сочетании с маленькой горбинкой на носу, ей нравились ничуть не меньше...

– И сколько ж её не было на этот раз? – отсмеявшись, поинтересовалась Элька.

– Почти неделю, – отозвалась Аня.

Подруга фыркнула и, допив залпом чай, подвела итог разговору:

– У тебя не квартира, а сумеречная зона какая-то. Ладно, не куксись. Нашлась – и хорошо. Ещё не раз потеряется, вот увидишь... Ха! Надо же? Улетает!..

Пролетая над рекой, ветер увлёкся спором с рогозником, который рос вдоль берега речной заводи. Коричневые бархатные головки согласно кивали, вторя его словам, а острые зелёные листья шептали что-то в ответ. Солнце давно перевалило за полдень. Его огненное око медленно катилось к горизонту за дальний бор.

Стрекозка сидела на одной из стрел рогозника, слушая заверения ветра, и, качаясь, смотрела в даль. Рядом носились такие же быстрокрылые стрекозы. Синие, зелёные – они поблёскивали в лучах солнца, завораживая своей красотой.

В камышах тихо хихикали мавки. Им было неинтересно играть с маленькой золотой стрекозкой. Но сама Златка иногда любила послушать

их смеющиеся голоса и рассказы о том, как водяные проказницы подсматривали за купающимися где-то неподалёку людьми. Порой эти рассказы передавались ими таинственным шёпотом, заставляя зеленоглазых красавиц розоветь щеками. Златка тоже зарделась бы от услышанного, если бы могла зардеться.

Но сейчас стрекозка смотрела на дальний бор. Она была там однажды. И там было солнечно и светло. Красные стволы сосен стояли огромными стройными великанами, а солнечные лучи пробивались сквозь их кудрявые кроны и расписывали землю золотыми узорами.

– Сестрица! Пора, сестрица.

Золотая стрекозка вздрогнула и обернулась. Рядом с ней в воздухе замерла изумрудная стрекоза. Она была чуть крупнее Златки, но она была настоящей, живой. Златка благодарно качнула медовой головкой, вздохнула и расправила крылья.

– Злата! – вдруг позвал её такой родной голос. Стрекозка обернулась и увидела мать.

– Матушка, – прошептала она, подлетела ближе и, когда луч солнца вдруг попал на её золотое тельце, она вспыхнула ярким светом и превратилась в златокудрую девушку.

Раскинув руки, Злата подбежала к матери и обняла её.

– Может, останешься, доченька? – целуя медовую макушку, спросила мать.

– Нет, матушка, но я вернусь, ты не бойся, – сказала она, заглядывая в зелёные глаза матери. – Я обязательно скоро вернусь, вот увидишь. Время быстро пролетит.

С этими словами она снова обернулась стрекозой.

– Леля тебя проводит, – печально улыбнувшись, сказала мать, и изумрудная стрекоза, повернувшись, полетела к городу. Златка ещё раз коснулась крылом материнской щеки и устремилась за подругой.

Они осторожно летели между городских домов, прятались среди листвы деревьев и кустов. Наконец приблизились к нужному окну. Златка опустила на подоконник, махнула лапкой зелёной стрекозке и, осторожно оглядываясь по сторонам, прокралась внутрь дома.

Аня лежала на кровати, обхватив голову руками. Голова девушки покоилась на подушке, один из уголков которой ласково, словно материнская рука, перебирал её волосы.

В комнате было слышно еле уловимое пение. Музыка убаюкивала, успокаивала и рассеивала все страхи и обиды.

Златка подползла к краю стола и тихо шепнула:

– Что это с ней?

– Да опять кто-то на неё посмотрел не по-доброму, – тихо ответила подушка.

Стрекозку кольнуло чувство вины. Когда она была вместе с Аней, то легко гасила такие взгляды. Но сегодня её рядом не оказалось, и все заботы достались Соне.

Златка виновато попятилась и хотела уже оглядеться по сторонам в поисках местечка, где можно было бы спрятаться от девушки, чтобы при случае как бы невзначай потом попасться ей на глаза, но в этот момент в углу комнаты под шкафом послышалось тонкое хихиканье, вздохи и шебуршанье. Стрекозка осторожно слетела вниз, стараясь не шуметь металлическими лапками, и заглянула в тёмный угол.

– Ой! – Белая кошка ростом с мизинец, вырезанная из маслянистоматового лунного камня, с маленькими изумрудами-глазками проворно отскочила в сторону от мохнатого существа раза в два выше её ростом с большими тёмными ладонями. – Златка, ты здесь откуда?

Мохнатое создание обиженно засопело и попыталось снова сцапать кошку в свои лапищи. Но та снова выскользнула и, грациозно изгибаясь и потягиваясь, подошла к стрекозе:

– Ты же вроде у матери?

– У матери. Была, – холодно согласилась стрекозка. – А ты, смотрю, вон где уже три месяца как пропадаешь...

– Так я же кошка! – самодовольно мурлыкнула белоснежная красавица, оглянувшись на нетерпеливо переминающееся с ноги на ногу существо и принялась умываться. – Мне, знаешь ли, по природе своей положено вот так пропадать.

– По природе своей, – сказала Златка, – ты должна свою хозяйку от беды хранить и любовь ей приманивать, а не сама в любви купаться, все на свете забыв. – Тут она обернулась к мохнатому, воинственно подняла золотой хвост с жалом, словно маленький скорпион, и спросила: – Ну, а Вы, дяденька Домовой? Как же вы могли? За домом присматриваете, а обережник у хозяйки увели...

Существо замерло на секунду, словно от изумления, потом быстро спрятало лапы за спиной, потопталось, развернулось и, часто топоча по полу невидимыми под мехом пятками, убежало в угол, сразу же растворившись во тьме, словно сквозь стену прошёл.

– Эй! – обиженно воскликнула кошка и укоризненно посмотрела на Златку. – Ну, вот зачем ты так? Ты же даже не знаешь, какой он одинокий. Ему, может, тоже тепла хочется. А я... Ну, подумаешь, ну, ушла. Ненадолго... Он ведь замечательный. И я о том не жалею. – И, помолчав, она еле слышно добавила: – Он замечательный...

– Он – да, – сказала стрекозка. – А ты?

Кошка отвернулась, но напоследок мурлыкнула, как бы ни к кому не обращаясь:

– И где ж мы все сегодня были, когда на хозяйку мор наводили?..

Златка хотела было ответить, но не нашла, что.

В этот момент на кровати заворчалась девушка. От неожиданности стрекозка припала брюшком к полу, а потом быстро расправила крыльшки и полетела к столу. Она еле успела заползти под книгу и замереть изящным украшением для волос, когда Аня повернула к ней голову. «А кошка-то

права. Нужно будет у неё прощения попросить. Глядишь, ещё чему умному научит», – успела подумать стрекозка и окаменела.

Когда Златка очнулась, ночь бесшумно плыла над миром, убаюкивая в своих объятиях шумный многоголосый город. Она тихо заглядывала в окна и рассказывала людям звёздные сказки, называемые снами. В её сумраке волосы девушки расплескались по подушке тёмными волнами.

Маленькая стрекозка на столе повернула голову и тихонько спросила темноту:

– Соня, а ты никогда не хотела выйти отсюда?

– Зачем? – раздалось в ответ со стороны кровати.

– Ну, как? Неужели тебе не интересно, что там, за этими стенами?

Стрекозка переступила металлическими лапками и повернулась к постели. Подушка под головой девушки вдруг чуть шевельнулась, и один из её уголков осторожно отодвинул локон с безмятежного лица, поудобнее устраиваясь под головой Ани.

– Нет, – тихо ответила она. – Ты же знаешь, Златка: я и так вижу всё, что видит она. А то, что она не видит, мне рассказывает ночь. Ну, или ты, как сегодня... – Некоторое время в комнате тишина нарушалась лишь мерным дыханием девушки. – Да и потом, как я её одну оставлю?..

– Не зря ты слушаешь ночь, – помолчав, сказала Златка, возвращаясь в прежнее положение на основании заколки. – Видимо, она тебе всю свою мудрость передаёт.

– Каждому своё, – неслышно шепнула подушка, и в тишине комнаты снова полилась неразличимая обычному слуху сказка.

Стрекозка замерла, вспоминая речную заводь недалеко от города. Там теперь, наверное, лягушки устраивают свой нестройный оглушительный, но такой притягательный концерт. И матушка с подругами сидят на берегу, слушая сказки ночи, так же как слушала их сейчас Златка, и длинные волосы их расчёсывает гребень ветра.

Ночь, словно услышав мысли стрекозки, с любопытством отвела взгляд от города. Лунный луч серебряной стрелой слетел с небес и мягко опустился на берегу заводи. Призрачный свет его рассыпался мелкими звёздами, из которых ступила на землю красивая женщина в мягких светлых как туман одеждах с тёмными рассыпанными по плечам густыми волосами. Лягушки на мгновение затихли, а потом снова запели с удвоенной силой, будто приветствуя гостью. Со всех сторон к ней быстрыми росчерками подлетали стрекозки, чуть слышно гудя трепещущими крылышками.

– Дивия! Светлая, Дивия! – раздались со всех сторон тоненькие голоса. Женщина улыбнулась и, взмахнув рукой, осыпала летунов серебристой лунной пылью. В ту же минуту малыши преобразились, став похожими на маленьких человечков с крылышками за спиной. Оглядев себя и друг друга с ног до головы, крохотные феи, радостно смеясь, разлетелись в разные стороны, затеявая весёлые игры или хороводы над водами волшебного затона. А смешливые мавки благосклонно позволяли некоторым малышам

сплестать свои тяжёлые волосы в косы и украшать их первыми полевыми цветами.

У самой кромки воды на заводи сидела девушка и, опустив пальцы в тёмную воду, нежно перебирала ночные струи. Толстенная русая коса была перекинута на грудь и чуть не касалась кончиком поверхности заводи. Девушка оглянулась на гостью, и травянисто-зелёные глаза её приветливо засветились улыбкой.

– Здравствуй, светоликая Дивия! – звонко сказала она.

– И тебе здравствовать, юная Агидель, – ответила темноволосая красавица и, подойдя ближе, тепло обняла девушку. – Матушка Жива желает тебе счастья.

– Матушка, – шёпотом повторила девушка и улыбнулась своим мыслям. – Передай и ей поклон от меня.

– Передам. – Женщина присела у края заводи, и вода вдруг засветилась голубоватым сиянием. – Я видела твою егозу, – улыбнувшись, молвила Дивия.

– Она была у тебя? – Агидель тоже присела рядом и снова опустила пальцы в воду, молча кивнув. – Ты говорила с ней?

– Говорила. Но она не хочет возвращаться, – глубоко вздохнула девушка.

Темноволосая погладила её по плечу.

– Дети... С ними всегда так. Им мало своего дома. Им хочется познать весь мир. Они стремятся жить, пусть даже в тайне ото всех. Но это не навсегда. Рано или поздно она к тебе вернётся.

– Я знаю, – качнула головой Агидель, – я буду ждать. Ждать следующей встречи, пусть и тайной.

Ночь слушала. Она слышала каждое слово, произнесённое в её тишине. Она улыбалась. Ведь она лучше всех знала, что некоторые тайны должны навсегда оставаться тайнами и жить внутри. Пусть живут два мира рядом и друг друга не касаются. Пусть это останется тайной, сказкой, в которую поверит тот, кому это будет нужно.

Дмитрий СЕМЁНОВ
(Новокузнецк)

Бутылка – это вещь!

(рассказ)

Василий Иванович Соколов относился к распространённой группе особей под наименованием *alhhogolical vulgaris*, то есть пьяница обыкновенный. К своим пятидесяти пяти годам он не заработал особых достижений, вроде судимости или директорского кресла. Всё нажитое было абсолютно стандартно: лысина, брюшко и геморрой. Пенсии Василий нигде не выслужил, разве только регрессные получал, да и то только из жалости прошлого работодателя. Пару лет назад отправили сбросить снег с крыши заводской столовой, где он умудрился в попытках ускорения процесса

организовать сход снега вместе с собою. «Страшная многопечатная» справка о невосполнимом вреде здоровью, состряпанная главврачом – родственником адвоката и гласившая, что у Соколова не осталось целых костей и выпали все пломбы (они и правда выпали, но лет пять до того) обеспечила адвокату-шантажисту приличную премию в сотни тысяч рублей, а Василию Ивановичу регрессные ежемесячные выплаты в размере эквивалентном 357 евро сроком на пять лет.

Благодаря диагнозу устроиться на работу ему практически не светило. Халявные выплаты от международной страховой компании терять было очень жалко. Опять же с женой Василий Иванович разругался в хлам. А что оставалось делать? Только Пить! Ибо Истина в вине! Он и пил, пил, пил... Была бы водка твёрдая, наверное, грыз бы. Сказать, что Василий опустил, было бы слишком просто. Он потерял цель и особый смысл в трезвом существовании. Если бы его мучили невыносимые боли от многочисленных переломов или душевная драма, Василий был бы достоин всеобщего сочувствия. Но действительность была такова, что зажило всё на нём, как на собаке. Печень не собиралась сдаваться, а сочному басу, распевавшему караоке из безумного микса куплетов десятков песен от народных до попсы 90-х, мог бы позавидовать любой оперный певец. К уходу жены Василий отнёсся в целом спокойно. Бывшая в молодости красивая и стройная жгучая брюнетка, после сорока неумолимо и стремительно стала всё больше походить на свою «страшнучую» мамашу-ведьму, от которой шарахалась бы даже лошадь. От нотаций и пиления жены Василий рано польсел и стал философом. Всё чаще предаваясь размышлениям о том, что она вышла замуж совсем не по любви, а чтобы сменить ужасную фамилию Бляха-Пицель на более благозвучное Соколова. В один прекрасный момент жена просто плюнула, пожелав ему провалиться вместе с водкой, и перебралась в пустующую тётчину трёхкомнатную квартиру, которая была не в пример просторнее, находилась в центре города, и там не пахло перегаром и не валялись бутылки.

Бутылки становились проблемой. Весь балкон был ими уставлен. Если полгода назад до ухода жены они хоть как-то выносились, то теперь балкон стал своеобразным кладбищем стекольной промышленности. Когда Василий ещё пахал на тётчином огороде, появилась традиция складировать там всякие банки-склянки, которым старая ведьма всегда находила применение.

Деньги подходили к концу, а там, в дальнем углу балкона под разобранным столиком за проржавленными гантелями, за кусками различных остатков ремонта и мешками с немодными тряпками, оставленными дочерью, перебравшейся на ПМЖ за границу, где-то должен стоять точильный станочек, собранный Василием ещё в советское время. Василий рассчитывал выгодно продать инструмент Бахрузу, предпринимателю, занимавшемуся различными бытовыми услугами по починке обуви, изготовлению ключей, ремонту инструмента и прочим рукоделием.

Теперь надо было разгрести завалы. Василий нашёл просто гигантский пакет из-под шубы дочери и принялся нагреть туда стекло. Пакет набухал и звякал, а завалы не больно-то истощались, но вот под какой-то тряпкой внезапно обнаружилась чужеродная тара. Практически чёрная квадратной формы бутылка с непонятным содержимым. Олифа? Растворитель? Или... Да не может быть! Коньяк??? Василий схватил бутылку, потряс ею. Понял, что пробка забита намертво. Подхватил пакет с бутылками и полез выбираться с балкона. Внезапно он почувствовал что-то неожиданное. На горлышке бутылки было надето какое-то невзрачное кольцо, вначале принятое Василием просто на кусок проволоки, повязываемой поверх тряпок или полиэтилена на горлышках бутылок. Так вот, кольцо само переползло ему на руку! От неожиданности Василий выронил бутылку, одновременно второй рукой с зажатым в ней пакетом стеклотары пытаясь перекрестится. Ожидаемо всё кончается эпическим грохотом и звоном. Бутылка разбивается, жидкость проливается на порог, окутываясь чёрным облаком с запахом жжёной травы, теряющий равновесие Василий падает сверху, осознавая, что сейчас грохнется прямо на пакет с бутылками, успевая проорать своё фирменное личное ругательство «Бляха-Пицель твою маму!»

«Зззы-Зззы!» – возле уха противно завывает. В раю есть мухи? – появляется мысль в голове Василия. Открывает глаза. И тут же закрывает: жаркое солнце слепит глаза. Травинки щекочат щеку. И запах, забытый давным-давно запах деревни. Все эти тонкие оттенки дыма, пыли, скошенной травы и навоза... Ароматы, которых не бывает в городе. Василий оглядывается. Да уж! Похоже климатом и пейзажем на Крым! Но где любимый слякотный сибирский город в апреле? И где Крым, гм, в июне??? И что прикажете делать??? Что, что?! Пить. Василий садится на сухую землю. Вытирает рукой лицо, удивляясь в очередной раз непонятно как приросшему к среднему пальцу толстому кольцу, достает из внутреннего кармана дарственного халата тоже дареную ему на 50-летие фляжку из нержавеющей стали и выпивает оставшиеся там 150 грамм водки. Всё! Антистресс поглосщён, пора разбираться, как и куда он «загрел!»

Для начала инвентаризация имеющегося имущества. От простого к сложному. Трусы на резинке семейные – одна штука. Выцветшая зелёная футболка с парочкой дырок и подтёками кетчупа – одна штука. Штаны от спортивного костюма, синего цвета, достаточно потасканные, но вполне цивильные – также одна штука. В карманах ключи, 10-рублёвая монета, бумажка квитанции ЖКХ, брелок от ключей с открывалкой и небольшим немного погнутым лезвием. Халат ближневосточного покроя, привезённый дочерью откуда-то – то ли с Алжира или Туниса, с тремя карманами. Раньше рукава у халата были длинные, но пока Василий был в больнице, он их укоротил, из одного обрезка сделал самодельный внутренний карман, приспособленный для переноски фляжки из нержавеющей стали на 250 мл, второй обрезок таскал в боковом кармане вместо платка. На ногах кожаные коричневые сандалии на резиновой подошве неизвестного китайского

производителя. Вот, в принципе, и всё. Хотя нет! Огромный пластиковый пакет с надписью «Меховая фабрика Милена», набитый различным стеклом, от баночек майонеза до бутылок из-под шампанского. Ну и на кого я похож? – подумалось Василию, повязавшему на голову самодельную повязку из обрезка халата – местное солнышко начало припекать.

На кого он похож? – подумалось Агюру Гулему – простому матросу с купеческой фелюки сахриба Масоки, когда неожиданно на окраине столичного города Понто Пентиума он повстречал подозрительного незнакомца. Тот стоял на Ефанском проклятом холме и чесал свою почти лысую голову, разглядывая раскинувшуюся внизу столицу.

Агюр ещё вчера считал свою жизнь вполне неплохой. До вожделенной цели – покупки своей харчевни оставалось совсем немного. Он продал хибару, оставшуюся от родителей, и нанялся на судно купца Масоки, чтобы накопить оставшиеся два золотых. Но судьба-злодейка имела своё мнение. Пока он зарабатывал серебряники простым матросом, грузчиком и сторожем, мок под штормами, жарился на солнце в мелких вонючих портах, старик Бугрум взвинтил цену на свою развалюху до пятнадцати золотых! И эта скотина, мало того, выдвинула условием, чтобы его хромая племянница стала ему женой! Мол, она восемь лет в девках при этой забегаловке и продается только в наборе с ней! Неслыханная наглость! Да за такое сокровище, на котором отметилась половина порта, надо бы приплатить три золотых, так нет, старикан наоборот повысил цену! Три кашалота ему в беззубый рот! Теперь придётся, как побитая собака, возвращаться снова на судно и испытывать судьбу, молясь богам, чтобы спасли от бурь, пиратов, пьяной поножовщины в чужих портах!

А какие были мечты! В столице начали делать крепкое пойло – бабуку. Она была не в пример забористой любого местного вина, отлично сохранялась при морских перевозках, в отличие от вина, которое нередко после долгого плавания от взбалтывания превращалось в противный уксус. Бабуку варили из всякого растительного сырья, отлично получалось из сахарного тростника, стоившего в благословенной Империи сушие медяки. А в северных лесных краях за бабуку можно было выменять ценные меха, воск, кожу, морской зуб, янтарь и прочие сокровища. Ах если бы дубовые бочки не стоили таких бешеных денег!

Ах если бы ему повернулась удача! Вот может быть этот купец и будет удачей Агюра? Дать ему по башке палкой, обобрать и осуществить свои планы? Вот что у незнакомца в странном мешке? Надо подойти поближе и, пока в округе нет никого, есть шанс приглубить чужака и завладеть вещичками. Агюр подобрал с земли сучковатую палку и стал подкрадываться к незнакомцу. Внезапно тот обернулся, вытаращился на Агюра и воскликнул «Бляха-Пицель! Ты што за чудо?»

Палка выпала из рук Агюра, он упал на колени и запричитал извинения. Что, что, а род знаменитых владетелей и колдунов Бляха-Питецелей являлся

самой страшной легендой этих мест. Загадка нахождения в проклятом месте разрешилась. Неужели былые повелители вернулись? После восьми десятков лет безвестности и мрачных слухов их посланцы вернулись забрать своё по праву пролитых в прошлые века рек крови? Агюр забубнил пространные пояснения, что он никогда никаким образом не создавал знаменитому роду никаких препятствий. Будет молчать, как скала, что всегда был в восхищении от величия рода объединителя империй. И рад будет служить знаменитым владыкам.

Василий разглядывал странного побирушку, вслушиваясь в поток малопонятной речи. Было в ней много смутно знакомого, слова вроде не русские, но интонации и само строение фраз до оскомины напоминало словесные потоки незабвенной тётки и жены. Да и их фамилия – Бляха Питцель, которую Василий сделал любимым ругательством, тоже мелькала. Так или иначе, самым удивительным был факт того, что Василий понимал неизвестного побирушку. Может, потому, что я и он датые, спросил сам себя Василий. От встречного несло не только немывтым телом, но подозрительно знакомым сивушным запахом. Что подвигло Василия действовать по привычному алгоритму. «А давай, дружбан, сполоснём знакомство? Есть чего бухнуть? И спокойно пообщаемся!» – сказал Василий, но язык вместо этого выдал «Адру маркар, маркар бульбуль? Буль буль якши? Муль мам кардыр!», а кольцо на пальце нагрелось, и по нему мелькнула и погасла искорка. Колдовство или фантастика Василия не смутили, главное контакт был установлен! Незнакомец судорожно копался в своей котомке и раскладывал перед Василием чудную фляжку из рога какого-то козловидного животного, завёрнутую в ткань лепешку, лук, нечто похожее на брызгу. А значит – пьянке быть!

Агюр не мог поверить в удачу. Если бы ему сказали, что он будет рад тому, что весь запас бабуки ценой в половину серебряника был выпит чужаком, он бы не поверил. Но теперь, похоже, нужно было срочно менять планы. Начать надо с того, что чужак о себе рассказал ужасно занимательные вещи... Говорил малопонятные колдовские слова про какое-то «средневековье», «попаданство», «прогрессорство». И, наконец, он показал Агюру содержимое своего шуршащего мешка, названного им «пакет», чем окончательно развеял все сомнения Агюра в своём богатстве и знатности.

Внутри было волшебное стекло! Материал очень редкий и ценный. На сумму, которой хватит купить полгорода! Впрочем, употреблял Василий этот материал весьма прозаично. Он просто вылил в сосуд под названием «баночка» бабуку из рога Агюра и употребил, даже не поморщившись! Вернее, он поморщился уже после, сказав, что отличнейшая бабука слабая ослиная моча, хуже некоего «дешёвого портвейна»! И предложил ему в подарок одну из «бутылок» специально для хранения «бабуки». Агюр вначале испытал шок, но позже такая идея показалась ему весьма интересной. Беда «бабуки» в том, что она не могла храниться в обычной керамике, от

этого портился вкус и крепость. Дубовые бочонки стоили дорого. А сосуды из рога часто трескались, да и крышки на них не всегда удачно сделаны. Стекло подошло бы идеально, если бы не цена, которая в сотни раз превышала цену содержимого. Ведь все знают, что стекло используют как украшение в бусах и для изготовления ритуальных сосудов, но больше всего стекло ценили маги, ибо только стекло и серебро могло содержать в плену могущественных духов, сохранять внутри волшебные снадобья и зелья. А использовать для «бабуки»? Это было вызывающе. Но какие перспективы! Какая таверна? Если, со слов Базилия, эти «бутылки» для него малоценны, а иначе почему он отдал ему весь «пакет» для переноски? Смог бы Агюр доверить другому такую ценную ношу? Нет, не смог бы.

Базилий заметно набравшись, изъявил желание посмотреть город.

Василий удивлённо рассматривал крепостную стену из ракушечника и глиняных кирпичей. Ров тоже имеется, но только напротив ворот. Весьма хило для так называемой столицы. Планировка улиц и домишки напоминали скорее афганский кишлак, чем нормальный город. Улицы почти не мощёные, памятников, арок и пышных храмов практически не наблюдается! Шли они к местному купцу, у которого единственного в квартале водились деньги, чтобы купить стеклотару. Оказывается, бутылки тут жуткий дефицит, по словам «Юрки» – Агюра, они в бутылки только джинов запечатывают, легко такому верится. Ведь именно «тёщина бутылка» поспособствовала «попаданству» в этот параллельный мир. Мир был явно неисторическим, так как в историческом мире при упоминании фамилии тёщи никто бы на колени падать не стал. Ну да ведьма знатная, но не до такой же степени! Со слов Юрки, лет так 80 назад замутили предки его тёщи тут призыв демонов ради своих каких-то целей. Да не рассчитали силы. В итоге местные, а жило со слов Юрки тут около полумиллиона, устроили побоище и помножили, не считаясь с потерями, вместе с демонами и Бляха Питцелей. И вообще колдунов с тех пор практически не осталось. Что к лучшему! Хотя колдун нужен! Надо же как-нибудь вернуться домой? Кто будет квартплату платить?

Кто будет платить квартплату? – такой вопрос задала себе мастер Управляющей компании «ЖКХ» Клавдия Ильинична Регель, по прозвищу «гражданка Изрегиль», когда ей сообщили, что уже несколько дней алкоголик Вася Соколов не появляется во дворе. Её давняя знакомая, бывшая жена этого алкоголика Алена Соколова поручила по старому знакомству приглядывать за квартирой, и даже отдала ключи. Около суток Клавдия размышляла, самой ей идти проверять берлогу алкоголика или всё-таки пригласить хозяйку? Вдруг придётся опознавать труп? Может, позвать участкового? Хотя эти полицейские, позапрошлый участковый на собрании жильцов прилюдно обозвал её «гражданкой Изрегиль», и ведь прилипло уже 15 лет как.

И долго бы так она размышляла, но внезапным образом пропавший Василий объявился сам. Вид имел странно взъерошенный, но откормленный, глаза блестели нездоровым блеском. Встретив Клавдию, он огорошил её своим сумасбродным проектом. Рассказал такое, что у Клавдии зачесались руки набрать на телефоне психбольницу. Василий заявил, что он теперь сторонник экологии и переработки всякого мусора. Предложил поставить во дворе контейнер для сборки стеклотары, за которую будет рассчитываться экологически чистыми продуктами. Также предложил сдавать ему всякие тряпки и обувь в неограниченном количестве. Всему этому хламу он найдёт применение. То, что хлам натаскают, у Клавдии сомнений никаких не было, а вот что вывезут, были основания.

Это подкреплялось тем, что вскоре она увидела Василия с огромным рюкзаком, наполненным всяким барахлом, возвращающимся в свою квартиру. Ну так и есть! Превратит свою квартиру в помойку! «Эколог!» – сказала Клавдия и отправилась вслед за Василием. Напрасно она простояла перед дверью около 15 минут. В конце концов, её терпение лопнуло, и она открыла дверь «своим» ключом.

Василия в квартире не оказалось! И вообще, квартира выглядела не такой. Да это была холостяцкая нора. Но какая-то разорённая! Пустоватая! На стенах бледнели следы от снятых ковров, сервант, заставленный разной ещё советской хрустальной посудой, был пустой. Мало того, зеркальная стена тоже была снята, как и стеклянные полки.

Поработавшие с интерьером квартиры дизайнеры убрали куда-то кучу всяких мелочей, раньше царапавших взгляд. Не было старого настенного календаря с видами Крыма 1986 года, коробок со старой обувью и стопок со старыми журналами, некогда загромождавших вход, рулонов с обоями для несостоявшегося ремонта (цвет не понравился). На кухне исчезли нагромождение старых тазов, кастрюль и сковородок, алюминиевая посуда. На полу валялись ключья от старых пакетов и пыль, что показывало, что всё явно второпях собирали и упаковывали. В спальне открыт шкаф, внутри висели только пустые вешалки. Очень странно! У подруги там висела целая куча платьев, в которые она уже не умещалась.

Вот куда Васька всё подевал??? Ну, допустим, металлическую посуду в лом, стекло в переработку, а тряпки куда? Тоже на переработку? Степанида, покачав головой, вышла из опустошённой квартиры. Наверное, пора звонить Алене, Васька совсем чокнулся! И кому понадобились эти сокровища???

Сокровища! Такие, каких нет ни у кого! И что с ними делать??? Копить??? Но Базилий сказал, что у него такого много! И есть всякое и разное! Агюр не находил себе места. Хорошо Базилию, как я понял, потребностей у Базилия совсем не много. Выпивка ему важнее. Только он всё время ругает нашу выпивку. Самая лучшая бабука – «фигня!» Вино обзывает кислятиной, однако пьёт ведрами. Как хорошо, что Базилий встретился именно ему, а не тому же купцу Асоки! Когда тот увидел принесённые

Агюром чудесные сосуды, то сразу сказал, что у него нет столько серебра и товаров, чтобы всё купить!

Пришлось идти к жирному меняле Маграмаху. Тот быстро понял всю ценность товара, но совсем не понял, что принесённое богатство не от мира сего! И приказал схватить их всех. Охранники менялы шустро связали Агюра, Асоки. А вот с Базилием так не получилось! С боевым кличем «За ВДВ! Смерть чуробесам!» он лихо отбил от трёх охранников, а когда те взяли дубинки, он, пробив тонкие глинобитные стенки, выпрыгнул с третьего этажа, но не упал на землю, а растворился в воздухе. И вот только тогда до глупого Маграмаха дошло, что надо уточнить – кто владелец редких стеклянных изделий. Агюр, не таясь, рассказал про встречу на проклятом холме и родство Базилия с родом колдунов Бляха Питецелей. Маграмах не поверил, о чём очень быстро пожалел. Прямо за его спиной из воздуха вышел злой Базилий и с размаху зарядил кулаком прямо в заплывшую жиром рожу. Перепуганные охранники, оглашая окрестности воплями «Демоны!», тут же разбежались, а Базилий, попиная упавшего на пол толстого менялу, прошел к столу и залпом выпил почти полный кувшин вина.

Агюр понял, что это единственный шанс изменить судьбу. Он стал умолять Базилия успокоиться, не использовать колдовские силы для мести, уверял, что все присутствующие всю жизнь мечтали служить такому могущественному господину, как он. Перетрусивший меняла осознал, что связываться с колдунами, уходящими в никуда и возвращающимися ниоткуда, не имеет смысла, и тут же присоединился к извинениям и клятвам верности. В итоге их «Кумпанство» – как окрестил их договор Базилий, прописалось в особняке Маграмаха. Далее была грандиозная пьянка, в ходе которой Базилий сказал, мол, давно так не веселился, и хотя хозяева показали себя как непорядочные засранцы по отношению к гостю, он их простил. И если они обеспечат ему такую же поляну каждый день, он завалит их всяким барахлом, которое у них ничего не стоит, а тут найдёт применение. Так оно всё и закрутилось.

Базилий притаскивал чудесные изделия из стекла, невероятные картинки, странные тонкие колдовские книги с фантастическими изображениями, которые он называл журналы. Маграмах и Асока носились по городу, сбывая самым богатым и знатным новинки. Самые знатные модницы и самые кичливые чиновники просто передрались между собой за разноцветные наряды, которые Базилий называл «тряпье жены». Великолепные по изяществу стеклянные и фарфоровые фигурки лебедей, графины, фужеры, тарелки украсили столы самых влиятельных людей города.

Больше всего удалось выручить за большое зеркало. Его выкупил посол Ардахской империи для своей императрицы за невообразимую цену в 3 000 полновесных золотых. Он приехал нанимать полк наёмников, а уехал с зеркалом. Но предмет был шикарный, высотой в половину человеческого роста. Асока попросил привезти ещё. Базилий посетовал, что у него был

всего один сервант, хотя он знает, где достать ещё. Но и того, что он приносил, было более чем достаточно для того, чтобы наполовину наполнить монетами большой сундук. Организаторы кумпанства честно откладывали в него половину от реализации редкостей.

Ну, как честно, Агюр, например, знал, что Асока продал большой мешок с неновой обувью своему родственнику Кишмету, главе гильдии башмачников и сапожников. И все привезённые редкости внимательно изучены, и многое уже повторялось силами местных технологий. А цену дали всего в три серебряных за пару. Да, заметно дороже чем обычная обувь, даже для знати. Но вот редкость! А Базилий вообще опрометчиво поступал, направо и налево рассказывая про свою родину. Ну продал он местным златокузнецам всякий инструмент, но вот зачем надо было лично рассказывать и показывать, как работают свёрла, пассатижи и прочие железяки? Пусть сами догадываются! А лучше пусть ещё раз платят за науку!

Но Базилий только рассмеялся, сказав загадочные слова, которые Агюр тайно записал с помощью подаренного «карандаша» и «блокнота». Теперь надо было только понять, что они значат: «прогрессор», «командирская башенка на Т-34», «автомат Калашникова». Значение одного слова «автомат» Агюр уже выяснил, так называется любой хитрый механизм. Один такой Базилий притащил на третий день своего пребывания в столице. Он назвал механизм «старый кассетник дочери на батарейках». Предмет воспроизводил приятную и необычную музыку. Вскорости он очень сильно пригодился.

Жадные до всего блестящего жрецы очень скоро прознали про источник новых редкостей. И хотя Маграмах, зная склонность жрецов, заблаговременно пожертвовал в храм несколько очень красивых бутылок и банок для благовоний и натираний, видимо, жадным жрецам таких подарков показалось недостаточно. Очень скоро их делегация заявила в их особняк, сходу выразив желание проверить всё и вся на предмет демонических эманаций. Ушлому в спорах купцу Асоке удалось их убедить, что родственник Бляха Питецелей не может быть врагом рода человеческого, поскольку Бляха Питецели – известнейшие на континенте борцы с демонами и числятся сподвижниками Пророка.

Однако упрямые святоши без подарков уходить не собирались. Нового дара – набора «ёлочных украшений» и кружевной скатерти им было мало. Базилий, поговорив с посланцами, выяснил что первосвященник Катафотий очень любит красивую музыку, поэтому он презентовал им музыкальный автомат в наборе с полудюжиной кассет с записями. Базилий пояснил, что записи с «медитативной музыкой и классикой» обязательно понравятся первосвященнику, так как его жена Бляха Питецель, в своё время увлекавшаяся йогой, любила их слушать. Базилий оказался прав, Катафотий остался в восторге, его посланцы явно внушили старику, что он при жизни слушает пение ангелов. И теперь святоши вынуждено «подсели» на музыкальную зависимость. «Кассетник» был на батарейках, теперь им чуть

не еженедельно приходилось выторговывать у них эти самые батарейки, и теперь уже святоши таскали им серебро, а не наоборот. Опять же, иногда случались мелкие поломки, и снова им приходилось быть просителями. Правда, святоши не были бы святошами, если бы не могли выключить себе «во благо храма» чего-нибудь эдакого. Теперь с Базилия трясли «большой кассетник», чтобы проигрывать музыку в главном храме сразу для тысячи прихожан. Базилий признал, что такие механизмы есть, и при возможности он их предоставит. Только вот реальность ограничивалась доставкой стекла, зеркал и всяких хоть и ценных, но мелочей.

Может, зря они так быстро собрали для гостя целый сундук золота? Впрочем, не всё там было золотом. Хитрый Маграмах предложил одну аферу. Сказал: «Всё равно сундук стоит запёртый. Базилий в монетах не разбирается. Давай ему вместо золота положим «серебришка», с которого в древнем Мангалоре монеты делали». Ну да, запрещены эти монеты и стоят совсем ничего, но вес как у золота и выглядят почти как золото. А настоящее золото для купеческого дела очень нужно! Ведь часть купцов уже сейчас неплохо стала наживаться на перепродаже их редкостей в другие страны! Новые ценности прилично увеличили товарооборот. Пора переходить на большие объёмы!

Неужели пора переходить на большие объёмы? Василий стоял в своей квартире и раздумывал над тем, что бы ещё ненужного утащить в столицу. Запас хлама в квартире закончился всего за неделю. Конечно, его идея сбора стеклотары в кафе, выставление «эко» контейнеров во дворе – отлично сработали. Несколько десятков стеклянных бутылок и чуть больше пластиковых ПЭТ-бутылок было всегда. Но вот дикари стали требовать ткани, нитки, мелкие инструменты, картины и прочее. А что взамен? Вино и бабука? Ну ещё несколько бараньих туш. Пока товарооборот больше в сторону экспорта. Да, он пожертвовал своими регрессными и утащил «на ту сторону» выкупленный у знакомого самогонный аппарат. Учитывая, что фруктов там достаточно, проблем с сырьём для выпивки быть не должно. Но опять же мелкого объёма хватит только ему. А ведь местные фрукты и овощи, уступали по размерам и вкусу «земным». Он, конечно, попытался исправить проблему и обеспечил дикарей семенами, скупленными оптом в магазинчике «Все для дачи». Но когда всё это вырастет? Нужны деньги, с ними он сможет на китайском рынке скупать дешёвые товары в хороших объёмах. Решено! Буду искать выход на скупку золота. А то целый сундук монет лежит на той стороне. А я все боюсь их тратить. Там их тратить можно только на выпивку, девок и еду. Недвижимость скупать, как предлагает Юрка? Ну а дальше что? Опять девки, еда и выпивка??? Пожалуй, стоит обустроить сервис и здесь! Здесь даже бухать интереснее, потому как под телевизор!

Клавдия Ильинична Регель съездила к подруге Алене Соколовой лично, так как та почему-то не брала трубку. И за месяц Клавдия буквально

извелась. Подруга была дома и в отличном настроении, рассказала, что в интернете познакомилась с интересным немцем, и он, может быть, пригласит её в Германию, осталось только развод оформить с пьяницей Василием.

«С пьяницей Василием??? – зашипела Клавдия. – Ты дура, что ли! Ты просто не знаешь, что у нас за месяц произошло! Во-первых, твой Соколов Васька теперь директор ООО «Базилий», с которым у нашего ЖКХ теперь два контракта подписаны на установку и сбор контейнеров для раздельного мусора. Он выкупил часть территории Ангорской автобазы, и теперь туда со всего города свозят стекло, пластик, металл и всякий хлам! Не знаю, что там теперь в квартире, он две недели назад поменял замок вместе с дверью! Но когда я последний раз туда заглянула, там рабочие делали евроремонт! В окно я видела, что туда грузчики заносили новую красивую фирменную мебель. Во-вторых, этот пьяница теперь носит шикарные карденовские пиджаки, на руках Ролекс и все дела. Даже, скотина такая, маникюр к Глашке в её салон ходил делать! У него теперь есть машина – внедорожник Тойота с водителем-охранником, который за ним барсетку таскает здоровущую! А когда я Ваську бесстыжего спросила, откуда такое богатство, он, видно, не до конца трезвый был, посмеялся, сказал: «Дык, всё со стеклотары! С мусора! Ты просто не представляешь, сколько всё стоит! Особенно когда партнёры идиоты! Они со мной золотом расплачивались, да решили меня обмануть, вместо золота подсунули платину! Полтонны!» Я специально посмотрела, сколько платина стоит, так вот один килограмм стоит два миллиона рублей! А он с кем-то там уже тоннами торгует! Давай собирайся, поехали с ним разбираться! Ему наши сантехники сегодня «джакузю» ставят! По-любому дома появится – работу принимать!»

Василий выпроводил сантехников, вручив каждому в подарок бутылку «самодельного» дикарского ликёра «Бабука Базилио», а сам пошёл проверить свой «якорь» на балконе. Балкон был единственным необлагороженным местом квартиры. Остальное он заменил почти всё. А вот пятно от той памятной бутылки с джинами, побоялся трогать. Это было то место, куда он всегда возвращался из своих путешествий «на ту сторону». Вот туда он мог переместиться в любое место или к любому человеку кого представил. А назад только сюда. Как всё работает, он только мог предположить. Кольцо, красовавшееся на его пальце, ранее запечатывавшее бутылку, не снималось. Оно подарило Василию интересные возможности: чувствовать ложь, переносить тяжести и бурные ночи, понимать чужие наречия, много пить и оставаться на ногах, вылечило от геморроя и вообще – жизнь улучшилась!

Обострившаяся интуиция заставила Василия взглянуть вниз. О какая неожиданность! Алена Бляха-Пицель и подруга её, дворничиха Клавдия! Врёшь! Не возьмёшь! Адью! Василий помахал им рукой и тут же оказался на своём личном острове. В свежкупленном замке, где у него двести слуг и стражников и личный гарем! Персональная солнечная электростанция!

Где он сам себе царь и бог! А в гавани стоят его корабли под необычными алыми парусами из китайской синтетической ткани, что повезут по всему миру его прославленный самогон «Бабука Базилио», упакованный в его иномирские знаменитые бутылки.

Пусть жена и её подружка колотятся в толстенную стальную дверь, а он будет стоять на мраморной террасе, наслаждаться морским бризом и смеяться. А над ним будет развеваться знамя с изображением песочных часов, в виде двух соединённых бутылок. И девизом на латыни «Utrem est res!», что значит «Бутылка – это вещь!»

Павел ПОДЗОРОВ

(Бобруйск, Беларусь)

В НИИЧАВО едет комиссия

Необходимое предисловие.

Книга «Понедельник начинается в субботу» попала ко мне в руки в возрасте 12 лет. И с тех пор стала настольной. Перечитывалась она столько раз, что сейчас я могу процитировать с любого места почти дословно.

Меня всегда интересовала дальнейшая судьба героев – сотрудников НИИЧАВО. Прочёл все продолжения, как принадлежавшие перу самих авторов («Сказка о тройке»), так и иным («Неделя неудач» С. Лукьяненко). За это время персонажи стали почти родными и просто так забыть о них я не мог.

Ни в коей мере не претендуя на цель «замахнуться» на самих корифеев фантастики – братьев Стругацких, я, тем не менее, попытался проследить дельнейшую жизнь некоторых из главных героев, что и сделал в предлагаемом вашему вниманию рассказе. Это просто один из множества эпизодов из жизни НИИЧАВО и его замечательных сотрудников.

СНОВА СУЕТА

*В течение текущего рабочего дня
нет ничего помимо течения рабочего дня
(из «Пути Офис-самурая»)*

*Нет Бога кроме Бога, а я – Проверяющий его
(Евгений и Любовь Лукины «Разрешите доложить!»)*

Осеннее утро ярко, не по-осеннему, светившим солнцем ворвалось в общежитие. Я – Александр Иванович Привалов, старший научный сотрудник отдела информационных систем, кандидат в мастера математической магии и прочая, прочая – проснулся в своей комнате от лучика света, нахально светившего в глаз... Попытался передвинуться, но, казалось бы – крепкий, сон убежал окончательно. Собственно я о нём не жалел: кому охота в одиночку сражаться с целой толпой змеев-горынычей, да ещё

приговаривающих голосом Амвросия Амбруазовича: «Так его, болезного, так!.. Се ля ви» и другими его любимыми словечками. Просто не хотелось вставать. Но вставать было нужно, и я, сделав ежедневные асаны и напитавшись жизненной энергией (КИ, ЖИ, Прана) по методике Фёдора Симеоновича, умывшись и одевшись, отправился в институт.

Столовая второй месяц была закрыта на ремонт. «По случаю учёта шницелей» – как проворчал недавно Витька Корнеев. И я направился на завтрак в кафетерий (бывшую чайную № 2)

Несмотря на изменившееся название, дух чайной остался. И именно это привлекало сюда посетителей. Давно прошло то время, когда я завтракал кефиром. Я заказал салат с сёмгой, блины с икрой и традиционный чай. Трапезничать здесь было приятно. Кроме моих коллег по НИИЧАВО тут закусывали водители-дальнобойщики и девчата из соседнего библиотечного техникума. Разговоры были обширной тематики, часто слышался смех, и настроение во время завтрака существенно улучшалось.

Обычно мы завтракали с Витькой и Эдиком. Но Эдик неделю назад женился, и теперь вкушал домашние паровые котлетки и супчик с потрошками. А Витька уже месяц сидел в командировке в Шамбале, на Тибете. Он бы давно вернулся, так как дел у него было от силы на 2-3 дня (получить рекомендации у кого-то из Архатов по вопросу превращения отработанной каменноугольной руды в пошехонский сыр высшего качества), но проход в Шамбалу возникал раз в определённый период, и ему приходилось ждать...

Вестибюль института встретил меня обычной тишиной. Альфред, переведённый из вивария в вахтёры по причине старости (хотя злые языки поговаривали, что из-за пристрастия к странным чаепитиям), радостно поприветствовал меня, поднеся руку к старой швейцарской фуражке с околышем неопределённого цвета. На самом деле эта фуражка была неудачным вариантом шапки-невидимки – браком из лаборатории Магнуса Фёдоровича Редькина – и делала обладателя невидимым минут на 10, после чего поочерёдно, сверху начинали проступать части тела и одежды, пока не доходило до щиколоток. Тут шапка сохраняла своё действие полностью или частично. Поэтому сперва непривычно было видеть Альфреда то в носках, то босого, то вообще без ступней...

Институт жил своей жизнью... Кто-то из сотрудников уходил, кто-то отправлялся «на повышение» в Китежград. Их место заполняли молодые активные сотрудники, стремящиеся познать всё и вся...

Конечно, это не касалось корифеев. Они работали в институте не один десяток лет и собирались трудиться дальше. Их тяга к знаниям, научному эксперименту, направленным на одну цель – дать человечеству и каждому его отдельному индивидууму Счастье – с годами не только не ослабевали, но крепили и приобретали новые формы.

Директор Института Янус Полуэктович Невструев успешно достиг точки, после которой заскользил обратно по оси времени. И хотя мы

знали, что с ним всё в порядке и в прошлом Янусов стало теперь два, институт фактически лишился директора.

На появившуюся вакансию тут же прореагировал Выбегалло. Свои заявления он разослал даже в Академию Наук и Научный совет при ООН. Однако, несмотря на большую шумиху, поднятую вокруг него в прессе, в научных кругах хорошо знали результаты научных изысканий Выбегаллы и непредсказуемые последствия его опытов и не дрогнули под валом его справок, ходатайств, статей и прочей шелухи.

Пост директора был вакантен, и его обязанности временно исполнял Роман Ойра-Ойра, ставший к этому времени Академиком магических наук. Роман, предпочитавший административной работе свободный поиск, отчаянно противился назначению и даже в горячах хотел загипнотизировать Академию наук в полном составе, но потом одумался. Работа в НИИ шла своим чередом. Люди, в большинстве своём, здесь работали ответственные, увлечённые самим процессом бесконечного познания и совершенствования и открытия сыпались одно за другим.

Так, в настоящее время в Соловецком районе проходило обкатку новое изобретение – антисигареты для подростков. Суть его в том, что при изготовлении сигарет они проходили через камеру с магическим спецгазом, менявшим её структуру, в результате чего при попадании сигареты в рот несовершеннолетнему она автоматически превращалась в гематоген.

По всему району посевные площади засеивались засухо-влаго-морозо-жароустойчивой пшеницей ускоренного созревания, что позволяло собирать 2-3 урожая в год при любых погодных условиях. Антиалкогольное устройство для водителей уже получило своё распространение даже за пределами области. Оно блокировало электропитание автомобиля при малейшем наличии алкоголя в крови водителя и непосредственно в мозг транслировало ему десятиминутную лекцию о вреде спиртного и недопустимости вождения в нетрезвом виде. Самое интересное, что при третьей попытке сесть за руль запускались процессы, напроць излечивающие водителя от этой пагубной привычки.

Это не говоря уже о снабжении засушливых районов планеты водой за счёт пресловутой нуль-транспортировки воды тающих ледников, заплаток на озоновых дырах, скоростном восстановлении вырубленных лесов, 100%-й утилизации мировых свалок с преобразованием их в товары народного потребления и т.д. и т.п.

Я прошёл к себе в зал... Тут тоже многое поменялось... В Серверной стоял и незримо трудился электронный монстр, представляющий из себя по характеристикам миллион таких машин, как мой первый «Алдан». Все машины института были объединены в сеть. Время от времени кто-нибудь из молодых нетерпеливых магов залазил в кабель лично и гулял по сети, стараясь решить свою персональную задачу. От таких мы с Кристоаль Хозевичем установили специальный фильтр-накопитель... Он отлавливал нарушителей в сети и водворял их в приёмное устройство, где они в

цифровом виде парились до моего прихода. Каждое утро я выпускал этих бедолаг на волю и, прочитав соответствующую лекцию, отпускал с миром.

Я погрузился в работу и до 12 часов был «глух и нем»... В пять минут первого я вышел в коридор, где меня чуть не сбил с ног дубль Эдика. Судя по его озабоченности и скорости передвижения, совершенно не свойственных для дублей, случилось что-то из ряда вон выходящее...

Я направился в отдел самого Амперяна, но столкнулся с Эдиком возле приёмной.

– Ты чего улыбаешься, Сашка? – он уже вбегал в дверь, но, увидев меня, притормозил. – Можно подумать, тебя это не касается?.. К тебе первому и пойдут! Ты же у нас расчётный центр всего и вся...

– Да кто придёт-то?

– Ты и правда не знаешь?!.. Во даёт!.. Комиссия! Из самой Академии наук. С комплексной проверкой. По слухам, говорят, там кто-то решил нас прикрыть. Дескать, «непонятно кто, непонятно где и непонятно чем занимается». Наши-то наработки широко не афишируются. А там, где используются, – мыслеблоки ставятся.

Ну, про это я знал... Положим, внедрят в какой-нибудь отрасли магическую новацию, разработанную нашим НИИЧАВО и всем причастным соответствующий мыслеблок ставят. И все вокруг воспринимают чудо, как абсолютно обыденную вещь, не бегут писать в Очевидное-Невероятное и т.п. А просто используют его во благо, как данность.

– И финансируемся мы хоть и сами, – продолжал Амперян, – но в Академии наук какая-то статейка на нас выделена. И расходование средств по ней должны проверить. А ещё инвентаризацию. А ещё аттестацию. Представляешь?.. Знания магов проверять будут те, кто в них по роду службы и по убеждению не верит.

Я обалдело уставился на Эдика. На моей памяти проверки в Институте были всего два раза: один раз – из подшефного рыбхоза по сверке и учёту селёдочных голов для лаборатории профессора Выбегало, а второй – из района, когда какому-то новому начальнику отдела из тамошнего исполкома взбрело в голову посетить все объекты района. В первом случае всё закончилось благополучно – Акт описи съеденных и невозвратно утерянных в результате самоликвидации модели человека, неудовлетворённого желудочно, селёдочных голов до сих пор пылился в необъятных архивах Модеста Матвеевича. Во втором – проверяющий не проник дальше проходной, где сунулся в швейцарскую. В районной больнице его галлюцинации (а так назвали увиденных им «макродемонов Максвелла») приписали к отравлению аргоном – которым и была заполнена швейцарская.

И вот теперь нагрянула настоящая Комиссия, да не откуда-нибудь, а из самой Златоглавой. Тут пустяками не отделаешься. Шутка ли сказать: предъявить проверяющим двухэтажное здание, количества этажей в котором – как вверх, так и вниз – на самом деле не ведал никто, показать списки штатных сотрудников, которых по документам человек 20, а фактически

только живых душ около сотни, не считая не поддающихся учёту домовых, ифритов, ведьм и разной другой нежити...

– И что? – задал я не самый умный вопрос.

– Роман через полчаса собирает совещание. Все члены учёного совета и руководители ключевых отделов. Будем думать коллективно.

– Понятно. Буду. Только к Редькину заскочу.

Мы разошлись в разные стороны...

За столом для совещаний в кабинете директора было тесно. Сам Роман, принципиально не поддерживающий директорский стиль, в джинсах и свитере прохаживался у окна, изредка любуясь океаном. Дабы не пялиться на всё тот же осточертевший лабаз, он установил сложновыведённую галлюцинацию и теперь мог наслаждаться не только видом океанского прибрежья, но слышать его шум, крики чаек и даже вдыхать запах соли и водорослей.

Я, как начальник вычислительного центра, имел право присутствовать на заседании Титанов – учёного совета и администрации, и даже обладал правом голоса. Правда, подавал я этот голос довольно редко.

Сейчас, сидя за массивным деревянным столом, покрытым зелёным плюшем, я всё ещё находился под впечатлением, оставленным недавним разговором с Начальником отдела Линейного счастья, бакалавром чёрной магии Редькиным.

– Дело в том, Александр Иванович, что любая наука, в том числе и о Счастье человеческом, направлена на постижение Истины. – Магнус Фёдорович неспешно прохаживался по кабинету. Полы при этом жалобно поскрипывали. – Все исследования, так или иначе, стремятся к познанию Истины или хотя бы её части. Не так ли?..

– Пожалуй.

– Так вот. Одна из проблем в том, что люди привыкают считать очевидное очевидным, не задумываясь над этим – просто по привычке. Стремление увидеть необычное в обыденном и есть ключ к постижению Истины. Поясню на примере. Возьмём, к примеру, наши основные органы чувств: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание... – перечислил Магнус Фёдорович азы школьного учебника. – Весь окружающий мир люди воспринимают через них. В итоге формируется картина мира, точнее человеческого представления о нём. Которое, так сказать, может не вполне соответствовать действительному. Основная идея – в несовершенстве этих органов восприятия. Вот это, например, какой цвет? – Магнус Фёдорович указал на свой ярко-красный блокнот, в который он записывал определения Счастья.

Я выразился в том смысле, что, безусловно, – красный.

– А откуда вы это знаете?.. Можете не отвечать – сам скажу. Знаете потому, что с детства глядя на этот цвет, слышали его название – красный. Но нет никакой гарантии, что Вы видите его, к примеру, синим, а я совсем иным. Просто с рождения каждого человека приучают, что такой цвет – красный.

– Выходит, каждый может видеть свой, индивидуальный цвет? – удивлённо спросил я. – Раньше такая мысль мне в голову не приходила.

– Вот именно. А восприятие может быть индивидуально. Полагаю, что именно поэтому одни обладают, так называемым, художественным вкусом, а другие нет. Одни находят красивым сочетание цветов одежды, а другие безвкусным. А дело всего-навсего в индивидуальном восприятии. При более широком диапазоне зрения можно увидеть, что этот цвет состоит из нескольких тысяч неуловимых человеческим глазом оттенков. Да и что такое – цвет? Вы, как технический человек, знаете, что в природе нет такого понятия. Есть отражение света от разных поверхностей и свойства человеческого глаза по его восприятию. Не самое совершенное, заметьте. По сравнению с собакой, видящей мир чёрно-белым, люди, конечно, имеют преимущество. А вот, например, в сравнении с соколом-пустельгой, видящим стрекозу на расстоянии пятьдесят метров, существенно проигрывают. То же самое справедливо и для остального. Звук – это вибрация определённой частоты. Диапазон восприятия человека примерно от 16 до 20 тысяч Герц. Звуки выше и ниже по частоте для обычного человека не существуют. А ведь они есть. Всё пронизано этими вибрациями. А люди слышат только часть мировых звуков, т.е. только фрагмент мира. Маги, безусловно, имеют более широкий диапазон восприятия, – Магнус Фёдорович не без некоторого самодовольства погладил себя по животу, – но и они ограничены рамками человеческого. То же применимо к обонянию, вкусу и даже осязанию.

Здесь я с Магнусом Фёдоровичем не согласился:

– Цвет, звук – понять можно. Но осязание? – я потрогал массивный стол с пятнами от кипятка и грудой бумаг. – Вот стол, он из дерева, я трогаю его, чувствую поверхность, твёрдость.

– Всё так и не так, – улыбнулся Редькин. – Из чего состоят все физические тела?

– Из атомов, – уверенно ответил я.

Магнус Фёдорович оживился.

– Ага! Все вещи состоят из атомов. Это «строительные блоки» вещества, из которого состоят окружающие нас объекты, в том числе и живые. Атомы, в свою очередь, состоят из электронов и ядра – протонов и нейтронов... Если углубляться дальше, до кварков и глюонов и далее, то на микроуровне свойства материи становятся практически неотличимы от свойств энергии.

Следовательно, весь, так называемый, «материальный мир» – это большой, состоящий из многих образований энергоинформационный сгусток. Просто человеческое сознание воспринимает его части, как некие материальные объекты. Ведь и физическое тело – тоже энергия.

Я зрительно представил окружающий мир – с точки зрения Редькина... Сплошной конгломерат энергоинформационных образований, одно из которых – я сам. А вокруг меня нематериальные столы, стулья, стены НИИЧАВО, город Соловец и весь земной шар... Картина представилась удивительная. Однако логически – непротиворечивая. Теперь понятно,

как нематериальный Витька Корнеев проходит сквозь нематериальную стену... Да и многое другое эта теория объясняет...

– Спасибо огромное, Магнус Фёдорович! Вы мне открыли новую картину мира. Есть над чем поразмыслить. А сейчас, простите – бегу к Роману э... Петровичу – с комиссией разбираться.

Под завязку загруженный информацией я выскочил в коридор и, чуть не сбив с ног двух домовых, тащивших гору папок из архива, поспешил в приёмную.

Теперь вопрос прохождения сквозь стены представлялся мне совсем в ином свете. Раньше я склонялся к тому, что раз расстояние между атомами во много раз больше самих атомов (как известно, если бы эти расстояния убрать, то человек поместился бы на кончике булавочной головки – и чувствовал бы себя там вполне комфортно), то пройти сквозь материальную преграду, коей является стена, вполне возможно, если пронести свои атомы сквозь атомы стены. Но вот как сохранить, при этом не нарушив, связи между атомами без их разрыва и смешивания и какую энергию для этого использовать – я представлял смутно.

Теперь же, после информации, которой меня щедро снабдил уважаемый Магнус Фёдорович, всё выглядело гораздо проще.

Я в очередной раз вспомнил фразу кого-то из великих: «Чудес нет! Есть тот или иной уровень знаний». В своё время я, как новичок, прикрепил её в виде плакатика на стене своего вычислительного центра, дабы не изумляться при каждой фантастической выходке сотрудников НИИЧАВО.

Действительно, если подумать, явившийся с работающим телевизором в средние века человек вне всяких сомнений просльвёт великим кудесником. Как и тот, кто использовал бы автомат Калашникова против первобытных копий и стрел.

Я в очередной раз порадовался, что судьба занесла меня в НИИЧАВО, без преувеличения являвшимся самым интересным местом на земле.

Роман прохаживался по директорскому кабинету взад-вперёд. Было видно, что ему непривычно в новом статусе. По сути, Роман Ойра-Ойра был учёным-исследователем до мозга костей. Ему претила всякая канцелярщина и административщина.

Дюжий ифрит в синих панталонах, которого Роман приспособил в роли переплётчика (неподшитой документации накопилось на хороший грузовик, что позволяло надеяться на неплохие результаты в грядущем соревновании по сдаче макулатуры), косил одним глазом в сторону посетителей и сосредоточенно сопел. Не обращая на него внимания, приглашённые здоровались с врио* директора и рассаживались за стол.

–Уважаемые коллеги, товарищи! – начал Роман. – Впервые за всю историю нашего института не минула нас чаша ревизии.

Он помолчал.

* Врио – временно исполняющий обязанности

– Думаю, все понимают, чем может обернуться проверка нашего, мягко говоря, – специфического заведения людьми несведущими, не знакомыми с основами математической магии и прочих чародейных наук. Короче говоря, нам нужно выработать план – как сохранить статус-кво. Прошу высказываться.

Совещание длилось несколько часов и в целом, как официально выразился Модест Матвеевич – «Носило конструктивный характер». Дело оставалось за малым – реализовать намеченное. На это бросили лучшие кадры института. А попросту говоря, Амперяна, Почкина и вашего покорного слугу.

Под чутким руководством названной команды, или, как громко её обозвали – штаба по подготовке и приёму комиссии, сотрудники НИИЧАВО развернули масштабную деятельность.

В Изнакурнож ноги избы маскировали под стилизованный фундамент, а саму избы закрепляли цепями – чтоб не вставала.

Лифт, который мог занести комиссию в непредсказуемые дали, поставили на долгосрочный ремонт. Несколько бесов, обряженных в комбинезоны лифтёров, создавали правдоподобную картину его наладки.

Институтский виварий замаскировали специальным Заклятием, превратившим его в сырой подвал с текущими трубами. Последнее было сделано по наущению бессменного завхоза Модеста Матвеевича Камноедова, дескать, сами видите – без дополнительного финансирования не обойтись.

Полёты и хождения сквозь стены специальным приказом и.о.директора НИИЧАВО были строжайше запрещены. За нарушение, сотрудникам грозило самое серьёзное взыскание, а нежити – полная дематериализация.

Часть программ и экспериментов временно свёрнуты, а магическое оборудование законсервировано – «во избежание».

К приезду комиссии всё было готово.

В назначенный день на специально направленном вездеходе с аэродрома «Нелетаево» прибыла комиссия. Проверяющих было трое. Руководитель, по фамилии Кумпячков, а так же двое членов: Кудельман Лев Моисеевич, эксперт, и ответственный секретарь Е. Кумоватова.

Кумпячков принадлежал к очень распространённому типу под названием «Ответственный товарищ». Слегка примятая фетровая шляпа, под которой скрывалась большая лысина. Весьма солидный животик на коротких пухлых ножках. И весь он вызывал ассоциации с колобком. Ростом Кумпячков был ниже среднего, отчего и старался смотреть на всех «высока» и делать серьёзное лицо.

Лев Моисеевич Кудельман был похож на постаревшего льва: необъятно грузен, сед и подслеповат, отчего носил большие очки в роговой оправе, часто их протирал. На окружающих он взирал с вальжной хитринкой, словно хотел сказать: «Нуте-с, нуте-с, что вы там ещё задумали? Меня, милейший, не проведёшь...» Свои очки он протирал огромным носовым платком с надписью «Экономика должна быть экономной».

Третий член комиссии, точнее – третья... была женщина по фамилии Кумоватова. Дама слегка за... В строгом костюме, с высокой причёской и

надменным взглядом. Этот взгляд выделил в толпе встречающих Эдика и уже не отпуская.

После обмена приветствиями и формальностей комиссия приступила к работе. В НИИЧАВО к их приезду практически всё было готово, а коррективы вносились по ходу дела.

Так, заметив интерес проверяющей дамы к Амперяну, этим не преминули воспользоваться. Поскольку, как уже было упомянуто, Эдик недавно обрёл статус семейного человека, было решено создать его дубля, специально сориентированного на работу с Кумоватовой.

Дубль Эдика, созданный специально для её сопровождения, был безупречен. Галантен, ухожен, с чувством юмора и приличным денежным запасом. Он возил Кумоватову на личном автомобиле и обещал подарить шубу ко дню рождения. Кроме того, Эдик существенно подкорректировал его фигуру, убрав животик и добавив мышц, да и иные мужские качества дубля – со слов Эдика – намного превосходили самого хозяина. Дубль возил проверяющую по всему району: они посещали выставки, музеи, рестораны, ездили на пикники и т.д. и т. п. Немудрено, что Кумоватова не горела желанием просиживать за нудной и кропотливой ревизией, а предпочитала проводить время в обществе такого кавалера, как Эдик (коим она и считала дубля). Таким образом, одну единицу из команды проверяющих, удалось нейтрализовать.

Лев Моисеевич тоже не проявлял особого рвения. В первую очередь, он был научный работник, и его искренне тяготила роль проверяющего. Он быстро нашёл язык с Фёдором Симеоновичем и Кристобалем Хозевичем и часами пропадал то у одного, то у другого, а чаще с обоими вместе, в научных беседах – под запасы погребка.

Оставался Кумпячков, который проявлял неумную активность и служебное рвение.

Я неслышно приоткрыл обитую выделанной кожей дракона дверь и заглянул в кабинет Хунты. Кумпячков отправился на обед и у «оргкомитета по встрече», как величал нас Модест Матвеевич, образовалась небольшая пауза.

Похоже, я попал как раз к очередному чаепитию с задушевым разговором на тему строения вселенной. На столах, среди микроскопов, реторт и прочей архаики, стояли дымящиеся чашки, вазочки с конфитюром и печенье. Двое магистров и Кудельман неспешно беседовали.

...Но и это ещё не всё, – продолжал неведомый мне диалог Кристобаль Хозевич. – Мир пульсирует. Причём пульсирует со строго определённой частотой. Это можно сравнить с морганием: миг – и мира нет, миг и он есть снова... А ведь в момент мига «отсутствия» мира могут присутствовать другие миры. Миры отличимые на незначительную частоту каждый. А значит, их число может быть... – он сделал паузу.

«Бесконечным...» – мелькнуло у меня в голове. Эта беседа мгновенно ассоциировалась в моём сознании с недавней информацией Магнуса Фёдоровича.

– Именно, – Кристоаль Хозевич прочёл мою мысль и с неудовольствием обернулся к двери. Однако, увидев меня, он благосклонно кивнул и махнул рукой – мол, проходи. Я тихонько пристроился на колченогом табурете. Передо мной из ничего возникла чашка горячего ароматного чая и блюдо с печеньем. Разговор продолжался.

Через минуту я был полностью поглощён темой. Глубина открывшейся картины поразила меня. Мне представились прямо здесь, сейчас, миллиарды миров. Реально существующие в момент фазы «отсутствия» нашего мира. Миров отличных на ничтожно малую величину частоты колебания, но от этого не менее материальных. Если это слово справедливо применять теперь – после того, что я услышал о свойствах материи. Прямо сейчас в этом месте могло находиться несчётное количество предметов и живых существ.

На секунду у меня возникло видение сотен тысяч копий профессора Выбегалло с неизменной кашей в бороде, но я тут же, в страхе отогнал его, пробормотав формулу заклятия от кошмаров первого уровня.

А ведь, пожалуй, есть ещё миры со временем, текущим вспять. Именно с таким в своё время наладил связь Янус Полуэктович.

Минула неделя. Надо признать весьма насыщенная и богатая событиями. Проверка подходила к концу. Первоначальный запал комиссии, точнее, её председателя, иссяк. Осмотрев рабочие и служебные помещения, перелопотив горы бумаг – отчётов, балансов и прочего – и не найдя в них ничего необычного, Кумпячков, что называется, «сдулся» и оставшиеся дни работал без огонька – по инерции. Он всё больше отвлекался на неофициальные разговоры с сотрудниками. Постепенно в ход пошли истории, случаи из жизни и, наконец, анекдоты. Он оказался неглупым собеседником и приятным человеком...

– Эх, люблю я, господа-товарищи, русскую баньку. Да чтоб парилка была пожарче вытоплена, да с веничком, – Кумпячков разглагольствовал, стоя в позе оратора и сжимая в руке чашу с морсом из морошки, и в наряде из простыни был очень похож на римского патриция.

«Знал бы он, что держит в руках самую настоящую Чашу Грааля», – подумал я. Дело в том, что посуду в баню не захватили, и Роман, дабы не утруждаться, быстро трансгрессировал всё, что могло понадобиться, из музея «Изнакурнож». Тут были всевозможные чаши, кубки, столовые приборы и блюда из золота и серебра с вкраплениями (иногда весьма значительными) драгоценных камней. Все эти вещи принадлежали величайшим людям истории, как известным, так и не очень. Кувшин из платины, по моему, принадлежал даже какому-то правителю Атлантиды, который вкушал из него вино ещё до всемирного потопа.

Так что стол был без преувеличения – царский!

– Проверка, в общем и целом, закончена, – продолжал Кумпячков. – Акт ревизии вышлем в установленном порядке. Не понимаю, почему про ваш НИИ ходило столько слухов. Злые языки дошли до того, что приписывали

вам то ли работу на инопланетян, то ли сделку с дьяволом. А в общем – самое заурядное учреждение (прошу понять меня правильно), ничего сверхъестественного, у нас таких множество. И с отчётностью всё в порядке (Модест Матвеевич гордо приосанился). Главное хочу отметить – люди у вас замечательные! Отзывчивые, радушные, – он сделал рукой широкий жест. – А сказки про колдовство, магию, домовых (при этих словах домовый Кузьма высунулся из щели за спиной Кумпячкова, но увидев страшный взгляд Романа, мигом юркнул обратно), кикимор и прочей нечисти (Кузьма в подполье – обиделся) – пусть остаются сказками. Наше дело – наука. И применение её плодов исключительно на благо человечества.

– Именно так! Наука! – подтвердил Роман, поднимая свой кубок с морсом – из коллекции Тамерлана.

Остальные присоединились, звонко сдвинув чаши...

А уже через час гусеничный вездеход уносил по чавкающему бездорожью первую и, дай бог, последнюю, комиссию по проверке НИИЧАВО

Проверяющие были довольны.

Ответственный Кумпячков удовлетворил своё любопытство, проверив всё, куда только смог дотянуться (в прямом и в переносном смысле).

Кудельман был доволен общением со столь неординарными и грамотными коллегами. Кроме того, ему преподнесли трость из железного дерева с золотым набалдашником и изумрудами. Старику сказали, что это позолота и стекляшки, и обладатель трости, сравнимой по цене с квартирой в столице, гордо опиравшийся на неё при ходьбе, при посадке спокойно забросил её в багажный отсек.

Что касается мадам Кумоватовой, то успевшая вместо утомительного сидения в кабинете ознакомиться со всеми достопримечательности Соловецкого района, заметно посвежевшая лицом, слегка пополневшая от массы съеденных шашлыков и шеголявшая в новой шубе, она с грустью покидала это замечательное место, почти не заметное на карте страны.

Институт вернулся к обычной жизни. Присланный Акт комиссии был благоприятным: ничего существенного не выявлено. Были, правда, кое-какие шероховатости организационного толка.

Но это уже совсем другая история...

Александра ХОХЛОВА

(Рубежное, Украина)

Дмитрий ОРЛОВ

(Пушкин, РФ)

Вербум

Вечерняя заря истекала алыми сполохами, и проводить умирающее солнце за горизонт вышел хозяин дома – Николай Иванович Симаков. Сорокалетний мужчина, одетый в растянутые спортивные штаны, дырявые тапки и майку-алкоголичку, пригладил пятернёй грязные редкие волосы, почесал затылок и уставился на заросший бурьяном и колочками двор.

Огород Николая давно не знал ни лопаты, ни культиватора, а виноград на заборе и единственная яблоня у калитки почти засохли и едва держались корнями за землю. Единственным светлым пятном во дворе была упитанная собачонка – чёрная дворняга Тишка, что сидела возле старенькой будки и самозабвенно хрустела ароматными косточками.

Николай Иванович завистливо сглотнул слюну. Дома хоть шаром покати – одни пустые бутылки и небольшая заначка самогона, а у этой шавки всегда такой сытый и довольный вид, будто живёт она при ресторане или на проходной колбасного завода. Подойдя поближе, Симаков стал изучать заплывшими глазами «меню» своей лохматой подопечной. Кроме вышеупомянутых костей в плошке величиной с тазик лежали приличные куски жареной рыбы, обрезки сервелата, недоеденные бутерброды с паштетом.

«Хм! – мысленно воскликнул Симаков. – Чтоб я так жил!»

И стал припоминать, а когда, и вправду, он питался чем-то иным, кроме бычков в томате и вонючей свиной тушёнки из стеклянных банок? Последние воспоминания о нормальной еде в этом доме связывались у Симакова с похоронами сестры Любы двадцать лет назад, вернее, с поминальным обедом, который помогли организовать кумовья и двоюродная племяшка.

«Слышь, Колька! – вспомнились Симакову слова племяшки Ритки. – Ты бы хоть Тишку покормил, она ж вам верой и правдой служила, лет десять огород охраняла.»

«Тишку? – недовольно пробурчал тогда ещё молодой и шепутной Николай Иванович. – Эту что ли? – усмехнулся он, глядя как из-за курятника, усиленно виляя хвостом, выходит чёрная коротконогая собачонка. – Вот ещё! Буду я её кормить!»

Укоризненно покачав головой, Ритка нашла на летней кухне красную в синий горошек мисочку и набрала собачонке остатков с поминального стола.

...Лениво пнув дворнягу ногой, Николай Иванович продолжил рассматривать содержимое собачьей плошки, попутно вспоминая, как нашёл тело сестры, скоропостижно скончавшейся то ли от инфаркта, то ли от инсульта, и как пропил за месяц пригоршню золотых колец и серёжек, найденных на столе летней кухни. Он даже тогда не задумался, где Люба их взяла.

Не задумывался – до сегодняшнего дня.

«Не живут собаки по тридцать лет, особенно если их не кормят!» – сказал сам себе Николай, протягивая руку за плоской, чтобы проверить одну свою догадку, как вдруг услышал мелодичный голос:

– Николай Иванович, не делайте этого! Очень вас прошу.

На крыльце Симакова, пригорюнившись, сидел парнишка, замотанный, как показалось Николаю, в простынку тёмного цвета. То ли красную, то ли синюю. В сгущающейся темноте разглядеть это было тяжело.

– Чего расселся? Кто такой? – рыкнул Николай Иванович в сторону незваного гостя.

– Можно, я не буду отвечать? – вежливо попросил паренёк.

– А что так? – насмешливо спросил Симаков.

Гость промолчал. Подойдя к крыльцу, Николай сгрёб с верхней ступеньки зажигалку и осветил незнакомцу в лицо.

– Кто тебя растараканил? – рассмеялся Николай Иванович, разглядывая разбитую губу парня и сильный кровоподтёк под левым глазом.

– Было дело, – мимолётно улыбнулся парнишка, но тут же скривился от боли. – Мне так долго пришлось исцелять ожоги, что лицом заняться было некогда.

– И кто это тебя так? – повторил вопрос Николай.

– Те, кому пытался объяснить... кто я... что я... – вздохнул гость.

– А имя у тебя есть?

– Можно я не буду его называть? – снова завёл свою шарманку странный гость в простынке. – Ведь всё равно не поймёте и не поверите. Вот если бы вы хотя бы поверхностно были знакомы с учением Гераклита...

– Да что ты голову мне морочишь, бомжара! – рассердился Николай Иванович.

Сграбастав парня за шкирку, Симаков зашвырнул его во тьму за калиткой на безбрежные деревенские просторы, а сам вернулся к собачьей будке. Там, отобрав у Тишки плоску, он перевернул посудину, вытряхивая её содержимое на сухую землю. Собачонка жалобно взвыла, а Николай Иванович рухнул замертво, приминая в свободном падении бурьяны и колючки.

Вечерняя заря истекала алыми сполохами, а вернувшаяся с поминок матери Любовь Ивановна Остапчук, в девичестве Симакова, симпатичная разведённая блондинка лет тридцати пяти, сидела нога за ногу на табурете в летней кухне, курила, с отвращением взирала на закат и размышляла о нелёгкой судьбе одиноких женщин. Хотя грех ей было жаловаться! Пока брат Коля был в армии, Люба уговорила мать составить дарственную на дом только на неё, любимую. И, как хорошо, как удачно, что Колька упился на поминальном обеде до свинячьего визга и пробудет в таком состоянии не меньше недели, а потом назанимает денег и... снова уйдёт в загул. Люба, тем временем, спокойно продаст дом, мебель, кур, иконы и стиральную

машинку, уедет на юга. Пока, пока, братик Коля! Здравствуй, новая жизнь и приятные приключения на пятую точку!

Потянувшись за второй сигаретой, Люба машинально зажгла подвесную лампу и заметила на столе странный предмет, откровенно не вязавшийся с простой деревенской обстановкой. «Буржуйский» снежно-белый соусник, эдакая тонкая и звонкая фарфоровая прелесть, стоял на грязной клеёнке среди почерневших кастрюлек и чугунных прабабкиных казанков. «Красивый какой, – подумала Любовь Ивановна, беря в руки фарфоровую штучку. – Жаль, что бесполезный».

Она хотела стряхнуть в соусник пепел, как вдруг под траурным платком Любы отчаянно зачесалось левое ухо. Одно неловкое движение и на белое доньшко упала серёжка – маленький золотой гвоздик. Дзинь!

Чертыхнувшись, Люба пошарила пальцами по дну и, к своему удивлению, выудила из соусника не один, а сразу восемь маленьких золотых гвоздиков, и ещё столько же лежало внутри соусника, приятно поблёскивая в свете лампы. Повинуясь какому-то наитию, Люба сняла с пальца золотое кольцо и бросила внутрь посудинки. И, глупо раскрыв рот, заморожено наблюдала как колечки и серёжки медленно, но верно, заполняют соусник, так, будто подходит дрожжевое тесто.

Заполнили и... Всё остановилось. Замерло. Застыло на маленькой золотой горке, что «наросла» сверху.

«Ага! Места нет!» – догадалась Люба. Ловко стянув с головы чёрный платок, женщина расстелила его на столе, взяла соусник в руки, приготовившись его перевернуть, чтобы высыпать содержимое, как вдруг...

– Любовь Ивановна, прошу вас, не делайте то, что задумали. Вы погибнете!

В шаге от Любови Ивановны, шатаясь, как пьяный, стоял паренёк, замотанный в обгоревший по краям кусок ткани пурпурного цвета. Женщине бросились в глаза уродливые красные пятна, покрывавшие лицо, руки и ноги незнакомца. От страха и неожиданности Любовь Ивановна принялась вопить, как потерпевшая, прижимая одной рукой к груди соусник с золотым содержимым, а другой с недюжинной силой швыряя в чужака все тяжёлые предметы, что удавалось нашарить на столе. Застонав, незванный гость быстро ретировался, позорно сбежав в темноту.

«Переночую у Ритки! А то повадились ходить тут... всякие...», – с трудом переведя дыхание, решила Люба.

Она перевернула соусник, вытряхивая золотые безделушки на платок, и упала бездыханной на каменный пол. Фарфоровый соусник полетел следом за ней, но не разбился, а отозвался от камня глухим металлическим стуком.

Вечерняя зоря истекала алыми сполохами, а Лидия Васильевна Симакова, в девичестве Коржикова, возвращалась под ночь из санатория «Горячие ключи», куда ездила по путёвке отдыхать и лечить больные суставы. Была она довольна поездкой, как тысяча чертей. Ещё бы! Путёвка была халявной – её купила дочка Любка в обмен на дарственную.

А ещё старушке несказанно повезло! Не поверите, но в последний день пребывания на отдыхе Лидия Васильевна нашла клад! Настоящее сокровище, глубокое потемневшее от времени серебряное блюдо лежало, наполовину присыпанное песком, на дне ручья, что вытекал из термального источника. Несмотря на плохое зрение, Лидия Васильевна разглядела блюдо ещё издали. Несмотря на больные суставы, резво подбежала, вытащила из воды и, обжигая пальцы (блюдо оказалось раскалено, как сковорода), быстро, пока никто не увидел, спрятала его в сумку.

Уже дома Лидия Васильевна стала изучать свою находку, дивясь идущему от блюда уже не обжигающему, а приятному теплу, любясь замечательной чеканкой и инкрустацией. Средневековый замок с высоким донжоном и подъёмным мостом стоял на скалистой круче; россыпь мелких гранатов, расположенных, казалось, хаотично, на самом деле изображали сполохи карминового пламени на левой стене и на крыше боковой башни; по широкому краю блюда вился объёмный узор из яблок и кистей винограда.

«Чёрт! Совсем из головы вылетело. Любка ведь завтра днём должна приехать! – с досадой вспомнила Лидия Васильевна. – Ишь, зачатила к матери, всё смерти моей не дожждётся!»

Мысленно прикинув варианты (собачья будка? чердак? грядки?), женщина поняла, что лучшее место, где можно скрыть находку от дочери – курятник. «Эта фифа городская ни в жись его порог не переступит, даже если я мёртвая буду там лежать-валяться. Курями воняет ей, видите ли!»

Зайдя в курятник, Лидия Васильевна определила блюдо на солому рядом с поилкой, бросив на дно для маскировки две-три жмени кукурузных зерен. То, что затем произошло, заставило пожилую женщину усомниться в том, что она бодрствует, а не лежит сейчас в своей кровати и не видит десятый сон. Жёлтые зерна стали множиться, подпрыгивать, шипеть и хлопать, и вскоре нарисованный замок завалило кукурузными хлопьями, как белым снегом. Осторожно попробовав попкорн на вкус, Лидия Васильевна убедилась, что вкус у него отменный, а послевкусие того лучше. Также она заметила, что забранная ей горсточка тотчас же восполнилась самым волшебным образом.

«Вот сvezло, так сvezло! – радовалась Лидия Васильевна. – Прям как в сказку попала».

Она взяла блюдо в руки и...

– Лидия Васильевна, умоляю, только не преворачивайте! С ним так нельзя!

На пороге курятника стояло человекоподобное чудовище в обгоревших тряпках, покрытое с ног до головы волдырями и струпиями.

– Аккуратно поставьте его на пол, не делайте резких движений, – принялось командовать чудовище, страшно вращая белыми в розовую сеточку глазами без век. – Я вам сейчас всё объясню!

Всё могло бы обойтись, но Лидия Васильевна запаниковала. Тоненько завизжав «Ииии...» она сначала выставила блюдо вперёд, как щит, потом упала на колени и согнулась в три погибели.

За час до приезда дочери Лидию Васильевну нашла Рита Уткина. Старушка умерла, стоя на коленях, вокруг её тела сновали куры, доклевывая попокорн, а рядом в соломе лежал фарфоровый соусник, который Рита потом снесла на летнюю кухню.

Вечерняя заря истекала алыми сполохами, озаряя багрянцем стены, зубцы, донжон и шпиль замка Тампль. В ту пятницу ничто не предвещало беды, всё было на удивление тихо: дозорные сменились, братья, как обычно, получили дозволение на мясо в похлёбке и кружку вина. Рыцари Храма спокойно трапезничали после молитвы, и никого не пугало тринадцатое число в календаре. А зря! Ведь Король Филипп по прозвищу Красивый был должен храмовникам, как ад небесам, и его верный министр Ногарэ спал и видел сны о том, как бы навсегда лишит орден могущества, богатств и силы.

Королевские силы ударили внезапно: затрубили рожки, и Тампль был атакован. Кого-то убили мгновенно, а кто-то дорого продал врагам свою жизнь. По приказу Ногарэ двое наёмников устремились в крохотную часовенку в угловой башне...

– Я думал здесь сокровищница еретиков! – воскликнул Пьер д'О, по прозвищу Красавчик, обращаясь к Роже Перре Дуболому, что был в их маленькой команде за старшего. – Что за дела, капитан?!

– Ногарэ приказал нам охранять эту комнату, значит, будем охранять! – рявкнул Дуболом, хотя сам был расстроен не меньше приятеля.

Пока другие вояки набивали мешки и карманы трофеями, они будут торчать здесь, охраняя круглую комнатушку, в которой нет ничего, кроме стеллажей со свитками, что стояли вдоль стены и хитроумной конструкции, стоявшей в центре. Конструкция из пеньковых веревок, полосок шёлка и четырёх металлических столбов удерживала в подвешенном и неподвижном состоянии здоровенную, как винная бочка, чашу из неизвестного материала, похожего на окаменевшее дерево.

– Не понимаю, как монахи смогли втащить её в комнату, – развёл руками Красавчик, прикидывая ширину чаши и ширину дверного проёма. – Стену разбирали?

– А мне вот интересно, как они пронесли её по такой узкой лестнице, – отозвался Дуболом. – И почему просто не поставили чашу на пол? Почему всё сделано из обрывков веревок и шёлка, почему некоторые куски совсем старые, а некоторые словно были добавлены недавно... – он подошёл поближе, привстал на цыпочки, заглянул в чашу и принюхался: – Здесь какая-то жидкость. Похоже на кровь, но пахнет приятно – виноградом и яблоками.

Действительно, несмотря на чадающие факелы, что висели над дверями и над узким зарешеченным окошком, в комнате витали ароматы осеннего сада.

Приятели стояли некоторое время молча и усиленно размышляли над увиденным до образования морщин на лбу и складок на переносице. Наконец, Красавчик Пьер улыбнулся – развратно и хищно, щелкнул пальцами и сказал:

– А помнишь ли ты, Дуболом, ту красивую молодую еретичку, что отказала нам в ласке и чьи милые ушки, носик и тонкие пальчики ты потом долго носил, нанизав на нитку, как ожерелье?

– Ты про ту заблудшую овечку, что прятала свои драгоценности на дне кувшина с молоком?! Ни слова больше!

Запустив руку в чашу, Дуболом с победным выкриком выдернул её обратно. Вскоре перед наёмниками выросла гора из окровавленных серебряных слитков.

– Ногарэ – старый ты, хитрый лис! – восклицал Дуболом, упиваясь неожиданным богатством. – Ну, ничего, мы тоже не вчера родились! Нужно придумать, как перевернуть эту бадью, чтобы мы, собрав как можно больше слитков, побыстрее убрались восвояси.

– Согласен, – рассмеялся Красавчик. – Надо убираться, пока Ногарэ не прислал нам «подмогу». Иначе делить придется уже не на двоих!

– Сегодня пролилось так много крови, не проливайте ещё и ЕГО кровь, иначе здесь всё рухнет. Возьмите то, что уже собрали и уходите!

Наёмники ошетинились мечами, но быстро их опустили, разглядев рядом с собой безоружного юношу в богатом одеянии, не похожем ни на одежду воина, ни на одежду монаха. Лениво, без замаха, Дуболом ударил юношу по лицу, рассёк ему губу.

– Откуда взялся? Как зовут? – спросил Дуболом. – Как проник сюда, что мы не заметили? Здесь есть тайный ход?

– Ход здесь один, а имён у меня много, – всхлипнул юноша, – ибо я есть вечная и всеобщая необходимость. Обычно меня называют Логос, но тамплиеры звали Вербум.

– Вербум... Вербум... – повторил за юношей Дуболом. – Где я мог слышать твоё имя?

– *In principio erat Verbum et Verbum erat apud Deum et Deus erat Verbum**, – радостно выпалил юноша.

Следующим ударом Дуболом сбил Вербума с ног.

– А не подослали ли тебя еретики, чтоб ты охранял чашу с серебром и запутывал безумными речами добрых христиан?

– Охранять чашу?! – искренне удивился юноша. – Нет, нет. Это ведь не чаша. Это Грааль. Он сам себя охраняет так, что не нужна ему никакая стража! Я всегда рядом с ним, чтобы предупредить людей об опасности, которая от него исходит. Роже, Пьер, прошу вас, поверьте мне на Слово, и не совершайте того, что задумали!

– Совсем страх потерял! – рассмеялся Красавчик. – Зудит хуже овода!

– Раскройте глаза! Неужели не видите! – воскликнул Вербум, который не собирался замолкать. – Тамплиеры устроили ловушку, как на зверя, для жадных, глупых и не знающих меры!

* В начале было Слово, и Слово было с Богом, и Слово было Бог

После столь обидных слов Дуболом захотел заколоть Вербума кинжалом, но Красавчик уговорил пощадить его, заметив, что разумнее будет продать жалкого болтуна в рабство.

Распутав несколько ключевых узлов, наёмники перевернули чашу и упали мёртвыми на пол, по которому, выплеснувшись из чаши, потекли бурлящие потоки крови и расплавленного серебра. Камни, из которых был сложен пол, стали беззвучно проваливаться в пустоту. Казалось, будто кто-то снизу выдирает серые глыбы, словно гнилые зубы.

В бездонном провале открылась кипящая лава, в которую упали и чаша, и юноша, и бездыханные тела наёмников. Вырвавшиеся из бездны языки пламени объяли стеллажи со свитками, хранящими записи о великих тайнах и секретах ордена. Башня запылала изнутри, извергая пепел, что был подобен горячему снегу.

Татьяна ПОПОВА
(Москва)

Счастливый айфон

Наташа обняла Женю и повторила в сотый раз ритуальные пожелания счастья, здоровья, вечной любви.

На улице стемнело. Наташа, не обращая внимания на дождь и лужи под ногами, пошла пешком. Сколько раз она возвращалась домой знакомой до каждого дерева, каждой скамейки дорогой? Одиннадцать лет в школе они с Женькой делили парту, увлечения, беды и радости. Даже любовь один раз делили, классе в пятом, кажется. Школьная звезда из десятого «А» Андрей Ларенков на двух малявок, конечно, внимания не обращал. А Наташка с Женькой поссорились, в первый раз по-настоящему. Три дня не разговаривали, а потом решили, что не стоит задавака-десятиклассник таких жертв.

Интересно, каков сейчас красавчик Ларенков? Настоящий мачо-супермен или, как это случается с мужиками «под сорок», отрастил живот и потерял волосы?

Наташа старалась думать о чём угодно, только не о том, что Женька уезжает. Навсегда. Нет, она, конечно, будет прилетать в гости, навещать родителей. И интернет, и WhatsApp никто не отменял. Но разве заменят радости виртуальной коммуникации и редкие встречи еженедельные, если не чаще, посиделки на старом диване в Жениной комнате или на Наташкиной кухне, прогулки по Царицынскому парку, спонтанные поездки по Подмоскovie и тщательно планируемые совместные вылазки за границу?

Наташа стыдилась своих мыслей. Получается, она не разделяет Женькиной радости? Может, завидует? К тридцатилетию они обе, умницы-красавицы, подошли с весьма противоречивыми профессиональными достижениями и полным провалом в личной жизни. Наташа, окончив филфак, «сеяла разумное, доброе, вечное», но совсем не так, как хотела с детства.

Раскидывая семена мудрости на уроках литературы в средней школе, она мечтала о писательском успехе, однако её сказки, рассказы и повести украшали лишь сервисы сетевого самиздата. Отношения с издательствами исчерпывались правилом «рукописи не возвращаются и не рецензируются». Не возвращались и мужчины, с которыми у Наташи случались время от времени «завязки романов». Нет, никто пока не разбил ей сердце, и именно это, как ни странно, сильнее всего расстраивало Наташу: даже вспомнить не о чем будет в старости.

Женя, получив диплом экономиста, устроилась в банк. Не обладая связями и пробивным характером, за семь лет работы она «доросла» до обслуживания вип-клиентов, общение с которыми редко можно было назвать приятным бонусом к повышенной зарплате. В отличие от подруги, личная жизнь Жени давала повод к воспоминаниям. Роковая встреча, красивое ухаживание, многолетняя тайная связь. Вот только оригинальностью сюжет Жениного романа не отличался. Связь следовало сохранять в тайне по причине банальной – избранник Жени Николай был женат. До трогательных рассказов о больной жене Николай не опускался: с самого начала отношений он назначил Женю на роль «луча света в тёмном царстве», а лучу не пристало требовать чего-либо от того, чью жизнь он освещает.

Наверное, Женя ещё долго «светила» бы в безнадежной тьме, но случилось чудо. Только так можно назвать стечение обстоятельств, благодаря которому она оказалась в середине ноября в Черногории и познакомилась с Йованом. Не прошло и года, а свежееиспечённая черногорская жена отбывает на новое место жительства. Оставляя в родной Москве опостылевший отдел вип-обслуживания, недоумевающего Николая, радостных (дождутся-таки внуков) родителей и лучшую подругу.

Наташа замедлила шаг. Вон её подъезд. Там, в квартире на пятом этаже – мама. Сейчас набросится с расспросами про Женю, Йована, Жениных родителей. Наташа вдруг вспомнила о Женином подарке и решительно повернула назад, к метро, к салону мобильной связи. Нужно вставить симку в подаренный Женей айфон.

Вручая подарок, Женя заметно волновалась, боялась обидеть подругу. Словно не менялись они сто раз вещами. Но теперь, в роли супруги богатого иностранца, владельца сети отелей, Женя чувствовала себя неужеренно:

– Наташ, мне Йован новый айфон подарил. Пожалуйста, возьми мой. Ты же знаешь, я его всего год назад купила. Он – счастливый, хочешь верь, хочешь не верь. Ещё когда покупала его, почувствовала, что теперь всё изменится. И сбылось предчувствие.

Женя замолчала. Наташа взяла айфон, искренне поблагодарила подругу. На учительскую зарплату такой не купишь, а кредиты – не Наташин вариант. Женя обрадовалась, заулыбалась:

– Вот я точно знаю, он и тебе счастье принесёт. Не смейся! Приедешь к нам летом, я тебя с друзьями Йована познакомлю. Ты видела Вука и

Милана на свадьбе, ведь хороши, скажешь – нет? Правда, женаты уже, но у Йована и холостые друзья есть...

Сонный парень в салоне мобильной связи вставил в айфон симку, и Наташа отправилась домой.

Дней через десять после отъезда Жени Наташа, вернувшись домой вечером (педсовет затянулся) заполняла электронные дневники. Сигнал айфона вызвал досаду. Так поздно обычно звонила лишь бесцеремонная мамаша двоечника Вербилкина. Но на экране высветилось – «Евгений».

– Наташа, добрый вечер. Как же я рад слышать твой голос!

«Евгений? Он у меня в контактах, значит, знакомый, но кто же это, кто?» Наташа пробормотала нейтральное приветствие, радуясь, что знакомый незнакомец пока говорит сам и ей не нужно поддерживать разговор.

– Я так удивился, увидев твоё сообщение! Я часто думал о тебе, но не решался написать или позвонить. А тут всё сошлось: вчера узнал, что в Музее Востока кабинет Рериха открылся, вспомнил, как в Сортавале ты нас по Рериховским местам таскала. Подумал, вот бы сходить с тобой, а тут – твоё сообщение.

Сортавала. Теперь Наташа вспомнила круиз трёхлетней давности, маленький город в Карелии, теплоходную тусовку: весёлых молодожёнов и соседа по столу – Евгения. Молодожёны и Наташа шутили, что Евгений мог бы играть в любом фильме чудака-профессора, погружённого в мысли о науке и не замечающего лужи под ногами. Он и был учёным, то ли химиком, то ли физиком. После круиза они некоторое время переписывались, сбрасывали друг другу снятые в поездке фотографии и видео, однажды встретились, посидели все вместе в кафе, посмеялись. Евгений ещё пару раз приглашал Наташу на выставки или в кино, но у неё разгорался очередной «недороман»...

– Наташа, что скажешь? Насчет кабинета Рериха?

В Музее Востока Наташа бывала часто, и про мемориальный кабинет любимого Рериха знала, но вот попасть туда ещё не удавалось. Договорились встретиться в воскресенье. Попрошавшись с Евгением, Наташа открыла WhatsApp. Удивительно, хотя они никогда раньше не переписывались, Евгений оказался в списке её чатов. И вот оно, её собственное сообщение часовой давности: «Привет, как ты? Как же хочется встретиться и поболтать».

Теперь понятно, почему Евгений так воодушевился. Стоит ли сказать ему об ошибке? Удивительной, кстати, ошибке. В Наташиных контактах подруга была записана привычным сокращенным – Женя, а не полным именем – Евгения. Каким образом предназначенные ей слова улетели в чужой чат? Усталость, наверное. Наташа вздохнула, отложила айфон и вновь погрузилась в унылый мир домашних заданий, оценок и замечаний...

– Наташка, как же мне хочется в Москву! Каждую ночь снится, что мы с тобой на лыжах в лесу катаемся. Всегда ненавидела лыжи, а теперь всё бы отдала, чтобы по нашему царицынскому маршруту проехать.

– Жень, какие лыжи? У нас новогодний дождь и новогодние лужи тут, как и у вас. А наши прогулки мне тоже снятся, мечтаю не через экран увидеться. Но тебе-то о чём жалеть? Тебе Йован такой подарок сделал, Новый год в океанском круизе – это же, как мои ученички скажут, круто.

– Круто, – без особого энтузиазма подтвердила Жень. Помолчали. Разговаривать с помощью видеозвонка, в общем-то, можно, а вот молчать... Получается, именно молчание, паузы делают общение полноценным?

– Жень, что-то не так?

– Всё хорошо, – Жень улыбнулась и затараторила о городах и островах, которые они посетят во время круиза, о новогодних подарках, приготовленных для Наташи и родителей. А потом спросила:

– А как у тебя с Евгением?

– Встречаемся, ходим в музеи и театры. Переустановил мне систему в стационарном компьютере, заодно с мамой моей познакомился.

– И как он маме?

– Мама в восторге. Да и как может быть иначе. Он ведь и правда, чудесный.

– Принц на белом коне? – пошутила Жень.

– Нет, совсем не принц, – серьёзно ответила Наташа, – но не от мира сего, точно. Добрый, умный, наивный и открытый как ребёнок. Смотрит влюблёнными глазами, боится не то что лишнее движение сделать, но даже лишнее слово сказать. Как будто я бабочка, с которой может пыльца осыпаться.

– Так, бабочка, кончай, – нахмурила брови Женька.

– Что кончать?

– Кончай анализом и препарированием заниматься. Такие Евгении в единственном экземпляре выпускаются, и этот экземпляр тебе чудом достался.

– О, хорошо, что напомнила, – Наташа обрадовалась возможности перевести разговор на другое, – я всё хочу спросить, а каким ветром тебя тогда в Черногорию в не сезон занесло?

– Когда я с Йованом познакомилась? О, это история странных совпадений. Я в отпуск должна была в сентябре идти, собиралась в Италию съездить. Но коллега Альбина замуж вышла, свадебное путешествие, всё такое. Уговорила меня поменяться отпусками. Конечно, на Адриатику в середине ноября я ехать не собиралась, присматривала отель в Эмиратах. И вдруг приходит эсмэска с рекламой отеля в Черногории. Я решила, что это судьба...

Новогодние каникулы промчались быстро. Наташа и Евгений каждый день отправлялись в вылазки по бесснежной щедро иллюминированной Москве, съездили в Новый Иерусалим, посмотрели все киноновинки. Только Новый год вместе не встретили: Евгению не удалось уговорить Наташу провести новогоднюю ночь в компании его родителей, проживающих на даче под Можайском.

Расслабившиеся после каникул восьмиклассники со скучающими лицами внимали Наташиным комментариям к «Истории одного города». Салтыков-Щедрин не входил в число её любимых писателей, серость за школьным

окном навевала тоску. Интересно, кого больше обрадует звонок на перемену, меня или двоюродника Сидоркина, думала она, на автомате растолковывая авторскую позицию и приводя примеры гиперболы и гротеска.

На перемене в учительской она увидела два пропущенных звонка с неизвестного номера. Нет, всё-таки нужно воспользоваться предложением Евгения и установить приложение по обнаружению спама. Вот, опять. Может, ответить? Вдруг это не мошенники, предлагающие проверку счётчика воды и не назойливые установщики стеклопакетов.

– Добрый день. Наталья Доронина?

– Я вас слушаю.

– Меня зовут Алёна Михайловская. Я главный редактор журнала «Дамское счастье». Не старайтесь вспомнить наш журнал, он ещё не вышел. Это новый проект издательства «Иваницкий и др.». Нас заинтересовали ваши произведения, и мы хотим сделать вам перспективное предложение. Вы не могли бы подъехать сегодня?

Наташа еле дождалась конца уроков. Когда же она последний раз тщетно билась в «электронные двери» издательств? Года два назад? Полтора? Неужели «выстрелило»? Название издательства «Иваницкий и др.» – на слуху, но Наташа сомневалась, посылала ли она туда свои рукописи. Впрочем, к чему сомнения? Конечно, она просто забыла, что «Иваницкий и др.» – в списке её рассылок, иначе не торопилась бы сейчас на встречу с редактором.

Предложение, и правда, оказалось перспективным и таким, от которого трудно отказаться. Наташа и не отказалась, хотя поначалу страшновато было так решительно менять пусть не блестящую, но сложившуюся картинку жизни, в которой каждый кусочек пазла занимал своё скромное привычное место. Хорошо, мама, обычно весьма настороженно относящаяся к переменам, полностью поддержала дочь.

– Я вижу, что школа давно тебя тяготит. Ты всегда мечтала о литературе, о писательстве. И талант у тебя есть, я уверена, только удачи не хватает. А тут – своя рубрика. Да и зарплата уже сейчас будет выше учительской, а ещё гонорары пойдут. И связи завяжутся, сможешь, наконец, увидеть свои сказки-рассказы изданными.

С Евгением Наташа советоваться не собиралась: знала, что любое её решение он сочтёт мудрым и правильным. Уплывающую в прекрасное глянцево далёко коллегу проводили укоризненные реплики пожилых подвижниц, вечных часовых образования, и завистливые взгляды молодых коллег, тайно или явно жаждущих покинуть галеры сии. Женя, услышав новости, чуть не визжала от восторга:

– Наташка, ты станешь знаменитой! Я всегда зачитывалась твоими историями, с самого детства. Помнишь, как мы в третьем классе поставили пьесу по твоему сценарию?

– Такой позор не забыть. Бедная Мария Дмитриевна, ей, наверное, трудно было сдерживать смех в самых патетических местах.

– Какой позор? Всем понравилось. А сколько раз ты на литературных конкурсах побеждала! Просто без блата не пробьёшься, но теперь ты сама в издательстве работаешь. Вот только как с отпуском, ты приедешь ко мне летом?

– Отпуска, Женя, не получится. Журнал ежемесячный, к каждому номеру мне нужно наполнить рубрику. И организационные вопросы на меня повесили. В общем, в первые полгода точно никаких отпусков. Может, сама приедешь?

– Нет, Наташа, – с Жениного лица мгновенно исчезло оживление, – в разгар сезона Йован сильно занят. И я ему помогать буду, хотя дело даже не в этом.

– Ты боишься перелётов? Врачи не рекомендуют?

– Нет, врач говорит, всё хорошо, и срок позволяет пока летать. Но Йован не хочет никуда меня отпускать. Как жаль, что ты не сможешь приехать. Только не подумай, я понимаю, что для тебя сейчас важнее работа. Я же говорила тебе, что нужно, несмотря ни на что, рассылать и рассылать рукописи. А ты отчаялась и завязала с этим делом.

– Да, ты права, конечно, только... Знаешь, а я ведь не посылала ничего в издательство «Иваницкий и др.». То есть посылала, но не я.

– А кто?

– Даже не знаю, как объяснить это. Я, действительно, потеряла надежду. Шлешь письмо в издательство, а ни ответа, ни привета. И больше года я ничего не посылала. Когда Алёна позвонила, я ещё удивилась, что они так долго тянули с ответом. На первой встрече я спросила, как она вспомнила о моих рассказах, ведь столько времени прошло. И оказалось, что письмо с моими работами пришло в издательство совсем недавно.

– Как же так?

– А вот так. Я, конечно, проверила свою почту. И увидела письмо, отправленное в редакцию за неделю до того, как Алёна предложила мне у них работать. Письмо послано с мобильного устройства, то есть с моего айфона. Но я-то его не посылала, я это точно знаю!

Женя оживилась и тут же принялась изобретать различные версии, объясняющие историю с письмом. Но Наташе ни одна из версий не казалась убедительной и правдоподобной.

...Презентация годовщины журнала «Дамское счастье» могла служить образцом стильности и элегантности. Как и сам журнал. Наташина рубрика, по общему мнению, стала и изюминкой и «вишенкой на торте» нового издания. Реальные истории женского счастья или, напротив, потерь и бед, светлые и трагические, смешные и детективные, обычные и почти фантастические, читались на одном дыхании. На презентации Наташу осыпали похвалами, иногда противоречивыми, и советами, доброжелательными, но чаще бесполезными. Главный редактор журнала-конкурента непрозрачно намекнул, что будет рад видеть Наташу в своей команде. Похожая на суетливую мышь журналистка скандально известного сетевого издания

ехидно поинтересовалась, откуда же черпает редакция «Дамского счастья» такое количество реальных историй? Вопрос был риторическим: «реальности» в Наташиной рубрике было столько же, сколько парного молока в том, что продаётся под названием «молоко» в картонных коробочках с бесконечным сроком хранения.

На презентацию Наташа пригласила Евгения. Месяц назад он сделал ей предложение и терпеливо ждал ответа, не только признавая за Наташей право подумать, но и считая обдумывание признаком серьёзности намерений. Он вообще отличался серьёзностью, часто трогательной, иногда смешной, порой занудноватой. Женя и мама убеждали Наташу не медлить. Что ей ещё надо? Умный, верный, ответственный, добрый. Да, не от мира сего, да, не миллионер и никогда им не станет. Впрочем, и Женя, и мама прекрасно знали, что Наташу останавливает не материальное положение потенциального жениха. Почему же она медлит?

Евгений, поначалу чувствовавший себя немного неловко в непривычной среде журналистов, знаменитостей, светских и полусветских львиц к концу презентации нашёл заинтересованного собеседника – сисадмина издательства. Наташа вдруг поняла, как сильно она устала, но не хотела прерывать разговор, явно доставлявший Евгению удовольствие. Послушный сын, он пошёл в химию по торной дороге, проложенной дедом и отцом, но с детства был по-настоящему увлечён только компьютерами.

Евгений, всегда чётко следовавший правилам, не отпустил бы Наташу одну домой. Пришлось притвориться Золушкой и сбежать с бала втихаря, отослав Евгению покаянное сообщение. В такси Наташа думала о Жене и её маленькой дочке, своей крестнице. Вспоминала три дня в Черногории, многочисленных родственников Йована, среди которых совсем потерялись Женькины родители. Наташа не собиралась спрашивать, почему подруга решила назвать дочку Николина, но Женя поспешила объяснить, что это имя в ходу у черногорцев, так звали одну из родственниц свекрови. Интересно, знал ли Йован о Николае?

Мама не спала, ждала Наташу. Ей не терпелось узнать, как прошла презентация, кто и что говорил о Наташиной рубрике.

– А что с изданием твоих рассказов и сказок? Говорила с генеральным?

– Говорила, – соврала Наташа, – сказал, нужно подождать запуска подходящей серии.

С генеральным директором она не разговаривала: знала, что её сказки и рассказы для «Иваницкого и др.» – неформат. Конечно, теперь у неё появились знакомства в других издательствах, но Алёна, главред «Дамского счастья», сразу предупредила, что «хождения на сторону» у них не приняты. Хочешь писать? Пиши в свою рубрику. Года через два накопится материал на сборник, издадим.

Наташа всё чаще задумывалась, не будет ли сборник «реальных историй», написанных под формат «Дамского счастья», пресловутым «плевком в вечность». Но посвящать маму в свои сомнения она не собиралась.

– Ох, совсем забыла, – всплеснула руками мама, – тебе же Серёжа Медведев звонил. Мы с ним так мило поговорили, повспоминали. Мама у него в прошлом году умерла, такая хорошая женщина была, мы с ней часто общались на родительских собраниях. Он твоего мобильного не знает, а в соцсетях ты его... Ой, слово забыла. Вычеркнула его, что ли. Просил позвонить, номер мобильного оставил, вот, я записала. Хрущевку их давно снесли, он за границей долго жил, недавно вернулся.

Серёжка Медведев. Наташа улыбнулась Вечный выдумщик, юморист, надёжный друг. В десятом классе Женя уверяла, что Серёжка в Наташу влюблён, но та отмахивалась от подружки. Забанить его в Фейсбуке она никак не могла. Наташа достала айфон и... Почему она не удивилась, не найдя Серёжку в списке друзей? Почему попросила у мамы мобильник под предлогом, что свой разрядился?

Они договорились встретиться на следующий день, в воскресенье, у колоннады Парка Горького. Узнали друг друга сразу, хотя не виделись лет пятнадцать. Четыре часа бродили по парку и Нескучному, болтая о школе и о том, как жили после выпускного. Жутко проголодавшись, нашли кафе в районе Воробьёвых гор, и Серёжка заказал половину меню, особо налегая на десерты и подшучивая, что до сих пор не может забыть патологическую Наташину любовь к сладкому.

– Кстати, я с утра тебе звонил на мобильный, а ответила мама, сказала, ты уже ушла. Ты что, мне свой номер не хочешь дать? Учти, сбежать всё равно не удастся, – Серёжка говорил шутливым тоном, но во взгляде угадывалась тревога.

– С бегом, как ты помнишь, у меня всегда было плохо, – ответила Наташа, – записывай мой номер. Проблемы с айфоном, сегодня же куплю новый, вставлю симку и буду на связи.

Вечером, ожидая приезда курьера с новым айфоном, Наташа готовилась к трудному разговору. Наконец, решившись, вошла в комнату, где мама смотрела телевизор.

– Мам, надо поговорить.

Мама выключила телевизор и повернулась к Наташе.

– Я хочу уйти из журнала. Пожалуйста, не волнуйся, без работы и денег не останусь. Я уже всё продумала. Смогу работать редактором, теперь мне легко найти работу. В крайнем случае, снова займусь репетиторством. Может, заработок будет меньше, чем последний год, зато я смогу писать. Своё писать, понимаешь.

Наташа замолчала, подбирая слова, но убеждать маму не пришлось.

– Ну и правильно. Я не решалась лезть в твою жизнь. С виду-то казалось, ты всем довольна. А насчёт денег не волнуйся, раньше жили, и теперь проживём.

Наташа расцеловала маму. Вот к разговору с Алёной точно нужно подготовиться основательно. Но в голову лезли совсем другие мысли. Во-первых, Евгений. Жалко его, он ведь и правда хороший человек и ни в

чём не виноват. Во-вторых, что делать со старым айфоном? Идея кому-то подарить его или продать казалась Наташе не самой удачной. В-третьих, нахлынули воспоминания о репетиторском прошлом. Перед глазами всплывали лица учеников и их родителей. Тупой до непробиваемости Гриша и его мама, требующая «на выходе» 100 баллов на ЕГЭ. Молчаливая умница Даша, года через три после сдачи ЕГЭ и поступления в иняз ставшая автором подросткового фэнтези. Вспомнила Наташа и свой успешный репетиторский дебют на третьем курсе института. С Катюшкой они до сих пор дружили, оставив в прошлом иерархию ученик-учитель.

Катюша... Наташа в первый раз в жизни поняла, что чувствовали Архимед в ванной и Ньютон под яблоней. Как же она раньше не сообразила, что тонкая, замкнутая, тургеневская барышня Катя – женский вариант Евгения? К чёрту теории о притягивающихся противоположностях. Нет сомнения, что в данном случае пресловутые «две половинки» должны найти друг друга и общее счастье с помощью Наташи.

Новый айфон запел старую песню, на экране высветилось «Сергей».

– Привет!

– Привет. Проверяешь, правильный ли я дала тебе номер?

– Проверяю. А ещё хочу попросить о встрече. В любое время в любом месте.

– Хорошо. О времени и месте завтра договоримся, мне на работе вопросы важные нужно решить, не знаю, когда освобожусь. И ещё у меня одно условие.

– Хоть три.

– С нами будут мои друзья. Мне обязательно нужно их познакомить.

– Познакомить?

– Да, потом всё расскажу. Если, конечно, ты согласен.

– Согласен, куда ж я денусь. Хотя на третьего и четвёртого лишних не рассчитывал.

Она засмеялась и, попрощавшись, закончила разговор. И всё-таки, что делать со старым айфоном? Наташа решила пока спрятать его в дипломат с документами, но на компьютерном столе, где час назад, вытащив сумку, она оставила гаджет, его не оказалось. Наташа осмотрела комнату, обыскала на всякий случай сумку, спросила у мамы, не видела ли она пропажу. Айфона нигде не было. Наташа вывернула карманы ветровки, заглянула под столы, пошарила на полках шкафов. И тут звякнул сигнал нового айфона. Сообщение WhatsApp из неизвестного чата «Мойры». Два слова: «Не ищи» и смайлик с высунутым языком.

Содержание

Список авторов	3
Решение жюри	4
Результаты голосования на приз читательских симпатий	4
Дмитрий Seemann, при участии Варвары Девятовой «Ты только пиши мне, пиши...»	5
Наталья ГИМОН Стрекоза.....	16
Дмитрий СЕМЁНОВ Бутылка – это вещь!	22
Павел ПОДЗОРОВ В НИИЧАВО едет комиссия	33
Александра ХОХЛОВА, Дмитрий ОРЛОВ Вербум	44
Татьяна ПОПОВА Счастливый айфон.....	50

Литературно-художественное издание

Скрытая жизнь вещи (предмета)

Конкурс КЛФ «Контакт»

*Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

На первой странице обложки –
картина польского художника-сюрреалиста
Рафаэля Ольбинского «Zimowy parasol (Зимний зонт)»

Тираж 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»